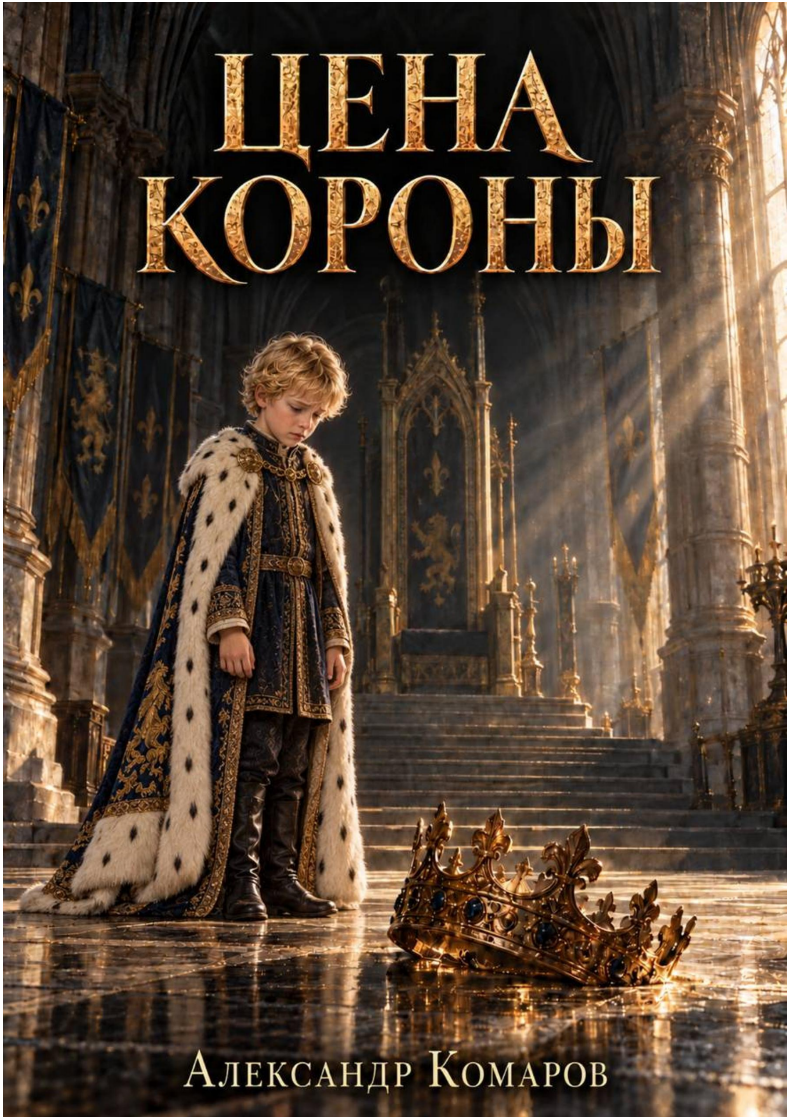

ЦЕНА
КОРОНЫ
Александр Комаров

Александр Комаров
Цена короны

https://litres.ru/74743654
SelfPub; 2026

Аннотация

Лумику восемь лет. Он боится пленного короля — и может приказать ему встать на колени.

Громогрив проиграл войну и отдал корону. Ему сохранили жизнь ценой службы при чужом дворе. Теперь он должен повиноваться ребёнку и терпеть унижение, на которое когда-то сам обрёк другого короля.

На Севере за него предлагают выкуп и собирают войско. Громогрив ещё надеется вернуться домой. А пока учится узнавать короля по шагам.

Пройдут пятнадцать лет. Лумик научится править страной. Громогрив состарится в комнате под лестницей — и по-прежнему будет опускаться перед ним на колени.

Приказ останется прежним. Только отвечать за него теперь придётся взрослому королю.

Содержание

Глава 1. Шестнадцатая осень 4
Глава 2. Место у кресла 13
Глава 3. Перед чужим троном 24
Глава 4. Первая зима 40
Глава 5. Нижняя калитка 73
Глава 6. Ночь на переправе 85
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Александр Комаров
Цена короны

Глава 1. Шестнадцатая осень

В ту ночь Громогрив заплакал потому, что не смог вспомнить голос жены.

Слова он помнил. Как Ильма велела закрыть окно, как звала его ужинать, как однажды, рассердившись, сказала: «С тобой нельзя разговаривать, пока ты король». Она могла произнести это и уйти, не дожидаясь разрешения. Он помнил даже свой ответ — злую, ненужную фразу. За неё-то память и держалась с ненавистной точностью. Но самого голоса не было. Громогрив повторял её слова, менял интонацию, делал паузу перед последним словом и всякий раз слышал себя, только тише.

Он сидел на краю кровати в комнате под лестницей. Ему было пятьдесят семь. Дощечка с портретом лежала на коленях; за годы плена её углы округлились, краска на одном плече стёрлась от пальцев. Молодой мужчина с тёмными волосами смотрел куда-то за край дощечки, чуть приподняв подбородок. Ильма заказала этот портрет перед первым северным походом, а на обороте написала: «Вернись до снега».

В тот раз он вернулся.

Громогрив придерживал дощечку за нижний край. На ладони белела толстая мозоль от ведёрной дужки; возле ногтя темнела трещина, которую никак не удавалось отмыть. Он провёл большим пальцем по нарисованному плечу и остановился, заметив, что опять стирает краску.

Сходство сохранилось в линии носа, в тяжёлых веках. Он знал это по маленькому кухонному зеркалу, в которое изредка смотрелся, прежде чем идти к королю. Щёки опали, и нос казался резче; у рта залегли складки, спускавшиеся к подбородку. Седина уже уходила от висков к затылку. Порой она казалась в мутном стекле светом из окна, и он невольно поворачивал голову, проверяя. Глаза узнавал сразу, но смотрели они теперь как-то исподлобья: даже возле зеркала он прислушивался, не зовут ли из коридора. Подбородок поднимал с усилием. На портрете мужчина держал голову так, словно ему и в голову не приходило, что её можно опустить.

Громогрив перевернул дощечку. Захотелось выйти во двор, постоять с непокрытой головой, пока холод не проймёт до кожи. Нужно было позвать караульного, объяснить, для чего ему это, дождаться ответа. Он остался на кровати, прикрыв ладонью надпись.

Наверху хлопнула дверь. Громогрив перестал плакать.

Плечи напряглись, ладони упёрлись в край кровати. В коридоре прошли двое, разговаривая. Один задержался у лестницы, переспросил что-то и засмеялся. Смех удалился. Только тогда Громогрив вытер щёки.

Лумика он узнавал даже сквозь сон. Теперь король ходил спокойнее и тяжелее, чем мальчик, которому пятнадцать лет назад вынесли на подушке северную корону. Но перед предпоследней ступенью по-прежнему замедлялся. Там когда-то качнулась доска. Доску давно заменили.

Комната тоже изменилась. На третью зиму перебрали дымоход, на пятую столяр удлинил старую кровать. Громогрив помог вынести её в коридор, а потом поставить обратно. Он помнил первую ночь после переделки: наконец можно было вытянуть ноги. Теперь возле кровати стояла полка для двух книг и лекарственной мази. Трещина над дверью спустилась до притолоки.

На внутренней стороне кроватной доски оставались зарубки. Сначала он делал по одной каждую ночь, потом объединял в недели. После второй зимы перестал. Иногда, перестилая постель, он задевал пальцем вырезанную дорожку и замечал, как далеко она не дошла до конца доски. Первые месяцы заняли столько места. Все остальные годы можно было бы уместить в горсти стружек. Он снова заправлял простыню, прятал зарубки под ней. Однако день присяги не забывал.

Пятнадцать лет исполнилось вчера.

В тот день для караула пекли пироги. Громогрив почувствовал их запах, когда мыл заднюю лестницу, и не сразу сообразил, отчего его замутило. На родине так пахло в доме, когда Ильма объявляла повару, что осень наступила и хватит

кормить всех летней зеленью.

Теперь, сидя на кровати в своей комнате, он заметил на рукаве засохшую полоску мыла и начал соскребать её ногтем.

После короткого стука вошла Лада, принесла лампу и миску. Возле её глаз за эти годы появились глубокие складки, в висках — седина. Он долго этого не замечал. Ему всё казалось, что меняется здесь только он.

— На кухне сказали, вы так и не поужинали.

— Не хотелось.

Она поставила миску на табурет. Громогрив уже смотрел, сколько в похлёбке хлеба, и оттого не потянулся за ложкой.

— Поешьте хоть немного. Остынет ведь, — сказала Лада.

В первый год она оставляла миску у порога. Он не брал, пока шаги не стихали, потом ждал ещё, позволяя еде остыть: ей не следовало видеть, как он голоден. Однажды она вернулась за пустой миской раньше времени. Он сидел с нею на кровати; оба сделали вид, что ничего не произошло. Теперь Лада ставила табурет поближе, чтобы ему не пришлось тянуться.

Ему хотелось попросить её посидеть. Совсем недолго, пока он ест. Она могла бы говорить о кухне, о какой-нибудь заевшей двери. Он даже подвинулся на кровати, словно освобождал место, но Лада поправляла фитиль и не увидела.

— Когда ты последний раз была дома?

— В конце лета.

— Надолго?

— На девять дней.

Девять утр без звонка. Можно проснуться и не вслушиваться, подождать, пока станет светло. Можно выйти из комнаты, потому что захотелось. Он почти спросил, что она делала в первое такое утро, но удержался: Лада, наверное, перечислит какие-нибудь дела. Не поймёт вопроса, а объяснить его он не сумеет.

— Там теперь новый мост, — сказала Лада. — Старый совсем осел.

— Дубовый?

— Сосновый. Дуб-то дорого.

Она проверила воду в кувшине и взялась за ручку двери.

— Лада, погоди.

Она обернулась.

— Голос того, кого давно не слышишь… Ты его помнишь?

Громогрив опустил глаза. Лада молчала, и он уже искал, чем заменить вопрос.

— Не всегда, — ответила она. — Иногда кажется, вспомнила. А потом кто-нибудь говорит, что он совсем иначе смеялся.

Он поднял голову. Спрашивать, брата ли она вспомнила, не стал. Её рука ещё лежала на дверной ручке.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Лада кивнула и вышла.

Хлеб успел размокнуть, пришлось придержать его лож-

кой. Прежде Громогрив не любил такого хлеба. Теперь легче было жевать: болел дальний зуб. Лада предлагала позвать лекаря, но он откладывал. Сегодня даже мысль о том, что придётся открыть рот и сидеть неподвижно, пока ему велят, отнимала последние силы.

Ильма однажды принесла ему такую похлёбку сама. Северный дворец ещё не достроили, на кухне неделю не могли справиться с дымящей печью. Он сказал, что королеве незачем носить миски. Она поставила миску ему на колени и спросила, неужели теперь придётся звать кого-нибудь, чтобы отнести её на стол.

Он помнил, что они смеялись. Помнил горячее дерево под пальцами. Ильма сидела рядом, завернув ноги в его дорожный плащ; у неё мёрзли ноги даже летом. Он говорил о новом мосте, она слушала, прислонившись к плечу. Плохая печь, кривое окно, ещё не покрашенная дверь — он мог перечислить каждый изъян той комнаты. Ильма хотела светлую дверь. Он сказал, что сначала нужно окончить зал совета; она ответила, что не собирается прожить всю зиму на складе строительного леса. Наутро дверь сняли. Потом совет так и заседал среди опилок, а Громогрив раздражался, когда ему об этом напоминали. Сейчас он напрасно пытался восстановить порядок их слов: она сначала засмеялась или уже потом, увидев, как он держит миску?

Пустую миску Громогрив поставил на пол. Лёг, не раздеваясь, положил ладонь на портрет.

Разбудил его свет за дверью. Караульный что-то негромко объяснял; затем ответил Лумик, и Громогрив уже сидел, не успев окончательно проснуться. Портрет съехал с одеяла. Он подхватил его прежде, чем дощечка ударилась об пол, положил возле подушки надписью вниз. Об этом движении он подумал лишь потом: всё ещё успевал беречь её слова.

Король вошёл без мантии, в простой тёмной куртке. Он возвращался из малого совета. Светлые волосы были зачёсаны назад, лицо вытянулось, исчезла детская округлость щёк. В двадцать три Лумик уже носил меч без той заметной осторожности, с какой мальчики держат первое оружие. Но маленькую фигуру на троне Громогрив помнил слишком ясно; она всякий раз вставала между ними. Караульный вошёл следом и прикрыл дверь.

Громогрив спустил ноги на пол, встал с кровати и повернулся к королю. Постель осталась у левого бока. Он начал опускаться, перенося вес на левую ногу: правое колено болело. Потянулся рукой к кровати, но у двери скрипнул ремень, и Громогрив остановил руку. Не просить опоры. Край одеяла был совсем близко: можно ухватиться, никто не запретит. Лумик даже, вероятно, подождёт. Именно это и останавливало. Громогрив опустил левую ладонь на половицу возле кровати и, опираясь на неё, встал на колени. Потом нужно будет подняться. Только бы не задеть ногой миску у кровати; разобьётся — придётся извиняться, и все станут смотреть, как он поднимает черепки.

Он положил на пол вторую ладонь и склонился, коснувшись лбом досок. Затем приподнял голову и поцеловал ноги короля, каждую по очереди. Из-под двери тянуло холодом. Он задержал дыхание, чтобы оно не прозвучало всхлипом.

Караульный был молод, недавно поступил на службу. Громогрив видел нижний край его мундира, аккуратно начищенные сапоги. Этот юноша помнил войну разве что ребёнком. Может быть, и тогда кто-нибудь поднимал его к окну: смотри, ведут северного короля.

— Встань, — сказал Лумик.

Громогрив попробовал подняться без помощи, но больное колено не держало. Пришлось ухватиться за край кроватной рамы. Выпрямившись, он отпустил опору и торопливо спрятал дрожащую руку за спину.

— Подожди за дверью, — сказал Лумик караульному.

Тот вышел. Король посмотрел на миску.

— Лада сказала, ты заболел.

— Нет, Ваше Величество.

— Утром тебя не было в кабинете.

Громогрив вспомнил звонок. Или ему показалось, что вспомнил. Со вчерашнего дня всё слилось: лестница, пироги, вечер, когда исчез голос Ильмы. Сказать об этом значило бы ждать, что король ответит.

— Я… не расслышал, Ваше Величество. Простите.

Лумик помолчал. Ему было тесно: пришлось повернуть плечо, чтобы не задеть косяк. Раньше помещался свободно.

От этой мысли у Громогрива снова защипало глаза.

— Завтра после второго колокола. Придут из речных земель.

— Да, Ваше Величество.

Король заметил дощечку. Громогрив заслонил её бедром и тут же испугался, что движение сочтут подозрительным. Но Лумик уже отвернулся.

— Явишься вовремя.

Он ушёл. Громогрив остался у кровати; мог сесть, но всё ещё слушал шаги. Когда стихли и они, и голоса у лестницы, он осторожно разогнул правую ногу.

На полу темнело влажное пятно от его лба.

Вместо досок он вдруг увидел камень со светлой прожилкой. Тронный зал, людей по обе стороны прохода, собственную корону в чужих руках. Тогда он думал, что нужно пережить несколько минут. За ними должна была оказаться смерть, дорога в крепость, новые переговоры — что угодно, чего он ещё не знал.

Он не представлял, как будет помогать выносить кровать в коридор, чтобы её удлинили. Как выучит скрип ступеней. Как перестанет делать зарубки.

Громогрив поднял портрет и провёл пальцем по надписи. В темноте, уже погасив лампу, снова попробовал произнести её слова.

Ильма, подумал он. Просто позови меня ещё раз. Не надо прощать. Только позови.

Глава 2. Место у кресла

Утром Громогрив долго не мог застегнуть чистую рубаху. Петля растянулась, пуговица выскальзывала из негнущихся пальцев. Хотелось разорвать ворот. Вместо этого он достал иглу и стянул петлю тёмной ниткой. Светлой у него не было.

В коридоре пахло воском. К годовщине присяги дворец натёрли тщательнее обычного; Громогрив мыл заднюю лестницу, и спина ещё болела. Со дня присяги прошло пятнадцать лет и два дня. Он пытался представить число отдельно от себя, как расход муки в кухонной ведомости.

У галереи мальчик с корзиной дров посторонился и сказал «доброе утро». Громогрив ответил, уже миновав его. Оглянулся бы, но возле кабинета ждали послы.

Старший оттягивал цепь на дорожном камзоле, словно она была слишком коротка. Корвен. Он приезжал на Север договариваться о железе, подолгу сидел в приёмной, привозил Ильме серебряные ложки. Теперь волосы у него совсем поседели.

Корвен замолчал на полуслове.

— Неужели это… — начал младший.

Старший придержал его за локоть. Сам продолжал смотреть: на заштопанный ворот, на пустой пояс. Громогрив спрятал ладонь с ведёрной мозолью в складках рубахи и сразу пожалел об этом.

Дверь открылась. Терен поднялся от стола и указал гостям на стулья.

Лумик сидел у камина, в тёмной куртке, застёгнутой у горла. Справа от кресла стоял стол с бумагами; стулья послов поставили напротив стола, наискось от короля. Корона лежала на маленьком столике с другой стороны кресла. Он выслушал имена и титулы, принял верительную грамоту. Громогрив стоял у двери, пока не услышал:

— Сюда.

Громогрив пересёк комнату и опустился на колени прямо перед Лумиком, лицом к нему. Коснулся лбом ковра и исполнил приветствие. За спиной стало тихо. Поднимая голову, он увидел наполовину стянутую перчатку Корвена. Посол наклонился, чтобы подлокотник не закрывал ему происходящего.

— На своё место, — сказал Лумик.

Громогрив поднялся и расправил загнувшийся угол подушки на ковре перед креслом. Лада добилась её четвёртой зимой. Он повернулся к Лумику боком, опустил колени на подушку и поставил ладони на ковёр. Теперь он стоял на четвереньках поперёк перед креслом: головой и плечами к столу, со стороны правого подлокотника, коленями — перед левой половиной сиденья. Лумик вытянул ноги вперёд и положил их ему на середину спины. Громогрив немного раздвинул пальцы, принимая тяжесть; король взял верхний лист.

— Вы просите изменить плату за зимнюю охрану судов.

Мы уже приняли половину расходов. Почему теперь моя казна должна платить и вашу долю?

Корвен снял перчатку.

— Ваши досмотрщики держат караван по пять дней. За это время нанятая охрана уходит с другим караваном, и нам приходится нанимать вторую. Мы согласились платить за один проход.

— В вашей просьбе об этом нет ни слова.

— Если обо всём написать, её и до весны не прочтут, государь! Столько сборщиков, столько застав…

Младший открыл папку. Корвен взял у него два узких листа и положил перед королём.

— Даты входа и выхода. Здесь зерно. Его разрешили везти без задержки, но зерновой трюм оказался на одном судне с маслом. Судно осталось у причала целиком.

Терен наклонился к бумагам.

— Причину задержки пристань указала?

— «Проверка груза». И всё! Больше капитан за свои деньги ничего не добился.

Лумик перечитал лист.

— За охрану берут один раз. Но если на судне разные товары, сборщик должен проверить каждый груз.

— Я прошу одного досмотра, государь. И одной платы за охрану. Ваш сборщик получает жалованье, пока сверяет книги. Мои люди в это время едят в долг.

— Терен, запроси пристань. Если задержали без причины,

вторую охрану оплатят из нашего сбора. До ответа прежнее соглашение остаётся в силе.

Корвен кивнул, но бумаги убирать не стал.

— Надеюсь, ответ придёт до ледостава. Западная дорога ещё открыта.

Он развернул карту, положил линейку между двумя заставами.

— Здесь четыре дня. По реке с вашими остановками — шесть.

— Летом, — сказал Лумик. — Покажите зимний путь.

Корвен передвинул линейку к нижнему перевалу. Дорога делала там длинную петлю.

Громогрив чуть сжал пальцы. Когда-то он сам пугал Корвена этой дорогой. Там трижды перегружали бочки; верхний перевал закрывался с первым большим снегом. Сейчас посол внимательно сравнивал расстояния, будто впервые заметил петлю.

— Нет, не всё пройдёт, — признал он. — Дорогой груз — да. А вам останется брать сбор с дешёвого. Не хотелось бы начинать весну с нового торга.

— Тогда не будем начинать его зимой, — ответил Лумик. — Льгота на зерно остаётся. Железо, масло и вино под неё не подведёте. Теперь о двух задержанных судах.

Терен нашёл копию ведомости.

— По ведомости — двадцать восемь бочек рыбьего жира. При досмотре в двадцати двух оказалось масло.

— Недостающую пошлину подсчитали?

Терен подал расчёт.

— Приказчик ошибся, государь, — сказал Корвен. — Он составлял бумаги сразу на три судна. За торговый дом я ручаюсь.

— Вес и количество верны, — заметил Терен. — Порт отправления тоже.

— В названии, значит. Хорошо, пошлину мы уплатим. Но пристань внесла в счёт ещё штраф и восемь дней стоянки. Четыре дня из этих восьми капитаны ждали вашу канцелярию!

Лумик посмотрел на Терена, и тот придвинул к себе ведомость.

— Ответ отправили позавчера.

— С приказом ждать решения о штрафе, — сказал Корвен. — Опять ждать! Ещё неделя, и обе команды придётся кормить до весны. Приказчика для наказания я вам не привезу, государь. И домой не повезу признания, что мои купцы воры. Дайте мне точный счёт — его они оплатят.

Громогрив узнал этот тон. У Корвена так же неподвижно лежали руки на столе, когда он отказывался покупать северное железо по новой цене.

У него затекла левая ладонь. Под коленом сбилась ткань; поправить её можно было, только подняв спину. На ковре синяя птица вытянула неровное крыло. Громогрив знал её лучше, чем помнил некоторые комнаты своего дворца.

— За четыре дня ожидания счёт снимем, — сказал Лумик. — Остальное уплатите прежде выхода. Об умысле в ответе не будет. Если ведомости перепутают снова, торговому дому придётся искать другого поручителя.

Корвен потянул к себе расчёт.

— С таким счётом я могу вернуться, государь.

Дождавшись, пока младший посол закончит записывать, Корвен перевёл взгляд на Громогрива.

— Постоянство ваших установлений заслуживает уважения. Пятнадцать лет со дня присяги. Я слышал немало рассказов, но полагал, время смягчило здешний обычай.

Лумик положил лист.

— У вас вопрос об условиях его содержания?

— О порядке приёма. Я ведь не сразу понял, что приветствие уже началось. Мой спутник впервые при вашем дворе. Если бы бывший северный государь повторил его… Мы могли бы верно описать церемонию по возвращении.

Спина Громогрива напряглась.

— Послы не обязаны описывать моему соседу каждое движение при моём дворе. О ваших собственных поклонах вас уведомил распорядитель.

Корвен улыбнулся.

— Разумеется. Но мы привезли грамоту о союзе. Знак, который нельзя принять за простую вежливость, имел бы значение для моего владетеля.

— Грамоту заверяет печать. Терен, проверьте приложение

о пристанях.

Младший передал свиток. Корвен придержал край, потом выпустил.

Громогрив ждал. Король отказывал послу, а значит, следовало оставаться на месте. Но Корвен просил так уверенно, словно прежде обо всём договорились. Иногда приказ передавал распорядитель. Иногда было достаточно слова гостя, которому велели подать чашу. Громогрив попробовал припомнить точную формулировку: выполнять просьбы или распоряжения?

— Я помню ваш северный двор, — заговорил Корвен, глядя на него. — Три дня вы не принимали меня. На третий позвали за обедом и спросили, не слишком ли жарко стоять у очага.

По вискам посла тогда стекал пот. Громогрив видел, как посол пытается незаметно отступить, и нарочно задавал ему новые вопросы. Сейчас Корвен ждал ответа, но Громогрив не мог спросить у него о цене руды.

— Времена меняются, — сказал посол.

Лумик снял ноги с его спины, поворачиваясь к столу. Громогрив убрал ладони с ковра и выпрямился на коленях, по-прежнему оставаясь боком к королю. Лицо Корвена оживилось.

— Вот теперь, государь, если позволите…

— Оставайся на месте, — сказал король.

Громогрив замер. Терен всё ещё разбирался с приложе-

нием.

— У меня есть полномочие уступить вам по оплате складов у Створа, — произнёс Корвен. — Мы можем включить это в соглашение. Наш владетель оценил бы свидетельство того, что северная угроза окончательно устранена.

— Север соблюдает мир. Вы торгуете там по моим грамотам.

— Торговым домам полезно видеть, на чём держится открытая дорога.

— Сколько вы уступаете?

Корвен назвал сумму. Младший поднял на него глаза и перевернул страницу, словно собирался что-то проверить.

— Запиши для следующего совета, — велел Лумик Терену.

— Сегодня, государь, — сказал Корвен. — Я предлагаю эту уступку сегодня. При известных условиях.

Король посмотрел на него. Посол выдержал взгляд, но повторять условие не стал.

У Громогрива дрожали руки. Хотелось сказать, что он сумеет повторить приветствие; главное, чтобы Лумик не решил, будто задержка происходит из-за него. Он уже однажды молчал, пока чужая просьба становилась его собственным отказом. Потом Барс велел подойти к двери.

— Есть ещё просьба моего владетеля. В конце осени свадьба его дочери. Среди гостей будут северные купцы. Если бы вы прислали пленника на несколько дней, под вашей

стражей…

Громогрив посмотрел на край королевского стола. Другая лестница, незнакомые голоса. Чужому караульному придётся заранее объяснять, какое колено не гнётся, иначе он решит, что пленник медлит нарочно. Можно ли просить о подушке сразу? Или в первый день лучше не просить ничего?

— Мы оплатим дорогу и уход, — продолжал Корвен. — Доставим обратно в указанный день. Ему не причинят вреда. Лишь то, что он и здесь исполняет ежедневно.

— Для чего его везти?

— Ради союза, государь. Там будут северные торговые дома…

— Они получат приглашения с моей печатью. Пленника я не пришлю.

Посол провёл пальцем по краю папки.

— Тогда хотя бы сейчас! Единственный повтор. Больше я просить не стану.

— Вы ещё не назвали причины.

Корвен оглянулся на спутника. Молодой посол положил перо.

— Мне нравится это видеть, — сказал Корвен. — Да, нравится. Я стоял перед ним. Слушал, как он грозит закрыть дорогу, если мы не примем его цену. Ждал с теми, кому нечем было от него откупиться. Теперь он целует ваши ноги и ждёт разрешения поднять голову. Я хотел бы увидеть это ещё раз.

Громогрив повернулся на коленях к Лумику. Корвен си-

дел сбоку, у стола, чуть подавшись вперёд; возле рта ещё держалась улыбка, а взгляд уже скользнул к королю в ожидании согласия. Громогрив опередил ответ:

— Ваше Величество, я могу исполнить.

Слова вышли поспешно, почти радостно. Он услышал эту готовность в собственном голосе и всё-таки начал опускать ладонь на ковёр. Нужно было прибавить, что колено позволит, что он не станет медлить. Только бы не решили, что приём задерживает он.

— Я не приказывал повторять, — сказал Лумик.

Громогрив убрал руку.

Король повернулся к послам.

— Приём окончен. Ответ о пошлинах получите у Терена. О службе при моём дворе и моих пленниках вы больше не договариваетесь.

Корвен встал. Спутник поспешно собирал бумаги, пропустил одну; Терен подал её ему. Старший посол медленно натягивал перчатку.

— Всё же надеюсь, моя откровенность не помешает решению о судах.

— Решение вы слышали. Оно будет записано.

Корвен поклонился, и младший, прижав папку к груди, пошёл за ним.

Громогрив остался на коленях. Лумик молчал. Теперь страшно было, что он заговорил без дозволения, начал двигаться прежде приказа. За дверью распорядитель что-то объ-

яснял гостям; слов было не разобрать.

— Поднимись.

Правое колено не разогнулось. Громогрив упёрся ладонью в подлокотник, увидел рядом руку короля и отнял свою. Со второй попытки встал, удерживая ногу чуть согнутой. Он смотрел на бронзовую застёжку занавеси. Спросить ещё раз о свадьбе значило потребовать, чтобы король повторил ответ.

— Ступай к Ладе. Скажешь, я велел осмотреть колено. Сегодня больше не придёшь.

— Да, государь.

За дверью Громогрив прислонился к стене. Хотелось добраться до комнаты прежде, чем дрожь станет заметна, однако велено было к Ладе. Он повернул в другую сторону.

Навстречу шли двое слуг со стеклянным футляром. На бархате лежала северная корона; её возвращали в сокровищницу после годовщины. Громогрив посторонился. Один попросил придержать дверь. Он пропустил обоих и всё держался за ручку.

Золото было знакомо до последней царапины. Пятнадцать лет назад корону тоже внесли прежде него, осторожно, двумя руками.

Громогрив отпустил дверь. Впереди была комната Лады, но мысленно он уже стоял на холодном камне у первой ступени чужого трона.

Глава 3. Перед чужим троном

В начале ноября, когда Громогрива привезли в столицу Лумика, шёл мелкий холодный дождь. Он почти не шумел, и топот толпы на мостовой слышался особенно отчётливо. Жители стояли вдоль улицы; кто-то поднялся на бочку, дети висели на ограде. Громогрив шёл между двумя рядами стражи. Если впереди замедлялись, приходилось останавливаться на виду у тех, кто пришёл посмотреть поближе.

Ещё до городских ворот он решил не опускать головы.

У него не было меча, короны, права выбирать дорогу. Пока оставалось хотя бы это, он следил, чтобы подбородок не дрогнул. У колодца женщина выкрикнула имя. Громогрив не расслышал, подумал, что зовут его. Крик повторился, надломился. Люди расступились, пропуская женщину назад. Он отвернулся на долю секунды — и рассердился: обещал себе смотреть прямо.

Дворец был меньше северного. Узкие окна, светлый камень, неровная пристройка у восточного крыла. Громогрив с коротким облегчением отмечал всё, что находил здесь бедным и неудобным. На подоконнике служебной комнаты сохли детские перчатки. Возле них его и остановили.

Барс, начальник южной стражи, снял дорожные путы. На запястьях остались тёмные следы. Громогрив потёр их, спохватился и опустил руки.

Барс протянул чистую тёмную одежду.

— Переоденьтесь.

— Где моя мантия?

— У казначея.

— Я предстану перед королём в своей мантии.

— Вы предстанете так, как указано в соглашении.

— Но об одежде там ни слова!

— Тогда я спрошу распорядителя. Но мантия останется у казначея.

Барс выглядел усталым. На шее из-под ворота белела повязка. Он ждал, не отнимая руки с одеждой, и Громогрив взял её.

За ширмой с нарисованными птицами стоял слуга. Помог застегнуть ворот, тут же отступил. В северном дворце одежду на Громогриве поправляли уверенно; здесь слуга боялся прикоснуться. Хотелось велеть ему не суетиться, но тот уже вышел.

Громогрив остановился у окна. В стекле отражался крепкий сорокадвухлетний мужчина с тёмными волосами и упрямо поднятым подбородком. Тесный ворот обхватывал широкую шею; под тяжёлыми веками глаза казались почти чёрными. Он повернул плечи, проверяя, как сидит чужая одежда. Всё ещё можно было заставить слугу отступить одним взглядом — за ширмой тот отступил. Громогрив задержался на этой мысли. Он пережил две тяжёлые зимы, три заговора, смерть Ильмы. Теперь пытался вспомнить, как прежде пере-

носил беду. Всякий раз память возвращала его в собственный дом, к столу, за которым можно было распорядиться и остаться одному.

За дверью двигали стулья. Распорядитель пробегал по коридору, всякий раз поглядывая на пленника. Наконец всё стихло.

— Пора, — сказал Барс.

Громогрив сделал шаг и не смог вдохнуть. Тесный ворот. Он провёл рукой по груди, выпрямился и вошёл.

Тронный зал тянулся от дверей к высокому окну. По обе стороны прохода стояли люди, оставив середину свободной до самых ступеней. Ближние повернулись на звук открывшихся дверей; дальше головы начали оборачиваться одна за другой. Громогриву предстояло пройти между всеми.

На стенах висели длинные гербовые полотна. На синем поле белела ладья с поднятым парусом; на тёмно-красном золотой олень запрокинул ветвистые рога. У нижнего края ткань потемнела, бахрома местами оборвалась. Выше, под потолком, изображения терялись в полумраке. Пахло воском и сырым сукном: многие пришли во дворец прямо с дождя.

Слева широкое полотнище закрывало незавершённую кладку. Сквозняк приподнимал его край, открывая грубые камни и щель между ними. Громогрив задержал на ней взгляд. В собственном дворце он велел бы закончить стену до приёма.

Трон стоял в дальнем конце зала, на каменном возвыше-

нии. Над высокой резной спинкой был укреплён щит с золотым львом; в тусклом свете блестели его раскрытая пасть и поднятая передняя лапа. Из-за окна по краям трона лежали узкие полосы света, а само сиденье оставалось тёмным.

Лумика Громогрив различил не сразу.

Сначала увидел мантию, тяжёлыми складками заполнявшую кресло. Потом над меховым воротом повернулась маленькая светлая голова. Иара наклонилась к подлокотнику и поправила съехавшую корону. Мальчик поднял к ней лицо, что-то негромко спросил. Ответа Громогрив не услышал.

По мере приближения стали видны рука на широком подлокотнике, слишком свободный рукав, обитая тканью скамеечка под ногами. Лумик перестал смотреть на Иару и выпрямился.

В военном шатре его окружали карты и взрослые советники; за их голосами можно было почти не замечать мальчика. Здесь все молчали и ждали его.

У окна стоял Севран. В первом ряду Громогрив узнал Терена с раскрытой книгой. Старик не поднял головы. Ещё прошлой зимой он сидел за его столом, подбирал слова для его распоряжений.

Громогрив привык вспоминать речного короля в своей малой столовой, в серой одежде прислуги. Здесь Севран свободно опирался ладонью о спинку стула. Увидев пленника, не улыбнулся.

До первой ступени оставалось несколько шагов. Громо-

грив прошёл их под взглядами зала и остановился.

— Государь.

Распорядитель поднял ладонь.

— На колени.

Громогрив не двинулся.

Условия, подписанные в Каменной Чаше уже после пленения, он прочёл до последней строки. Склониться перед победителем. Передать знаки власти. Подтвердить обязательства при свидетелях. Тогда слова ещё можно было обсуждать: задержать палец на строке, спросить, что она означает. Здесь распорядитель ждал, и всякая следующая секунда становилась видна залу.

— Я пришёл подтвердить соглашение. Моя подпись уже стоит под ним.

Слова прозвучали громко и уверенно.

Лумик сжал подлокотник. Громогрив заметил это с внезапным злым удовольствием.

Барс наклонился к трону, произнёс несколько слов. Мальчик кивнул.

— Тогда подтвердите, — сказал он. — Вы в шатре так сказали.

На последнем слове голос стал совсем тихим.

Барс подошёл сбоку. Пока не прикоснулся, но Громогрив уже представил, как ему надавят на плечи. Как он дёрнется, как двое повиснут у него на руках, а Севран будет смотреть.

Он согнул одну ногу. Колено коснулось камня. Вторую

опустил медленнее, всё ещё удерживая спину прямо. Лица в первом ряду оказались выше его головы. Громогрив заставил себя смотреть на трон. Если повернуться, придётся увидеть их снизу.

Он опускался на колени у раненых, у костра, возле сломанного колеса. Всегда можно было опереться рукой, поправить сапог, подняться, когда дело сделано. Сейчас ладони лежали на бёдрах, локти были отведены, словно он ещё держал их над подлокотниками собственного кресла. Эта неподвижность требовала всё больше сил. Пальцы вдавились в ткань; отпустить её он смог лишь по одному.

Теперь перед ним были край мантии и ступени. Позади кто-то шевельнулся. Громогриву послышался смех; он едва не обернулся, но остановил себя.

Распорядитель читал об отречении Громогрива, выводе гарнизонов, освобождении заложников, возвращении судов и зерна. Громогрив слышал отдельные слова. Терен, Севран, капитаны — все видели его таким. Даже тот, кто стоял в последнем ряду, сможет рассказать дома, что видел сам.

Казначей поднёс корону на подушке. Громогрив взял её обеими руками. На внутренней стороне обода оставалась маленькая вмятина. Ильма уронила корону, примеряя перед зеркалом, и смеялась, когда он сделал вид, что сердится. Исправить вмятину он не разрешил. Ильма потом вспоминала это каждый раз, когда он сердился на разбитую чашу: корону помнишь? Он отвечал, что корона его, а чаши казённые.

Она называла его скрягой.

Большой палец сам нашёл вмятину. На секунду стало легче: застывший на золоте след имел к залу не больше отношения, чем её смех. Можно было смотреть туда, куда не заглянут остальные.

Распорядитель замолчал. Громогрив поднял корону; руки дрожали, и от попытки удержать их становилось хуже.

— Я передаю вам знаки северной власти, государь.

В приготовленной речи было больше слов. Он помнил их, но не мог произнести. Лумик посмотрел на Иару, затем протянул руки. Корона оказалась у него на коленях. Мальчик чуть согнулся под её тяжестью. Иара помогла удержать обод, пока казначей не принял его снова.

На этом всё могло закончиться. Северная корона лежала на подушке рядом с троном, руки Громогрива были свободны. Он прижал ладонь к бедру, потихоньку разогнул затёкшие пальцы. Казначей отступил, и в этом движении тоже послышалось разрешение. Можно подняться, выслушать окончание стоя. Потом его отведут за ширму, там лежит снятая дорожная одежда; можно будет спросить о следующем дне.

Громогрив начал подниматься.

— Личная присяга, — остановил распорядитель.

Ему прочли последний пункт. Жизнь сохраняется. До особого решения победителя Громогрив остаётся при его дворе в личном услужении. Не покидает дворца без дозволения, не принимает тайных посланцев, исполняет назначен-

ную работу. Приветствует государя земным поклоном и целованием ног. По приказу принимает ту же службу у королевского кресла, которую прежде возлагал на своих пленников.

Лумик убрал ноги со скамеечки. Они скрылись под мантией, потом одна снова показалась. Мальчик глянул на Иару. Та положила руку на подлокотник возле его ладони.

Громогрив увидел это и поднял голову.

— Это необходимо, Ваше Величество?

Он ещё смотрел на Иару. Если она ответит, можно будет возразить ей, обратиться поверх её слов к королю; даже сейчас остаться среди тех, кто решает.

— Сир? — негромко произнёс Барс.

Лумик поправил край мантии. Поставил обе ноги на скамеечку.

— Да. Как записано.

Громогрив невольно оглянулся на Севрана. Тот остался у окна. Не вмешался, даже не переменил позы.

— Я уже отрёкся, — сказал Громогрив. — Приказы гарнизонам отданы. Я здесь.

— Личные условия входят в соглашение, — ответил Барс. — Вам читали их перед подписью.

— Я сам слышал, — добавил Лумик. — Вы сказали, что поняли.

Громогрив посмотрел на начальника стражи.

— Я понял.

На первых переговорах он спросил, можно ли ограничиться крепостью. После пленения — назначить срок. Потом потребовал убрать последние слова. За спиной стоял караульный; стоило писцу потянуться к черновику, и казалось, что ещё можно чем-нибудь распорядиться. Он снова брал лист: искал другое слово, оговорку, срок. Где-нибудь оставалась строчка, которую ещё можно изменить, и он отодвигал ту минуту, когда придётся дать последний ответ. Теперь списать случившееся на недоразумение не удавалось. Он торговался именно об этом пункте. Подписал именно его.

Громогрив помнил, как Севран стоял возле его кресла, пока гости допивали вино. Помнил, как подозвал гостя, который уже собирался уйти: погоди, я тебе ещё не всё показал. Воспоминание не помогало опустить руки. Они лежали на коленях, и он никак не мог отнять их от ткани.

— Присягните, — произнёс распорядитель.

Громогрив положил ладони на камень.

Спину ещё удавалось держать прямо, но для поклона пришлось согнуться целиком. Пол приблизился. На светлой прожилке камня лежала соринка. Он смотрел на неё, пока лоб не коснулся холодной плиты.

Над ним дышали и ждали. Он закрыл глаза.

— Ближе, — произнёс распорядитель.

Громогрив приподнялся. Лумик сидел неподвижно, с напряжённо сведёнными бровями. Опираясь ладонями о камень, Громогрив поднялся на коленях по ступеням и при-

двинулся к скамеечке перед троном. Ткань натянулась, мешая; колено зацепило край ковра на возвышении. Он высвободил одежду, ощутил на затылке чужие взгляды. От усилия кровь прилила к лицу, ворот сделался мокрым. Он попробовал сглотнуть, но во рту было сухо.

За спиной кашлянули. Громогрив услышал короткое эхо под потолком, затем собственное сердце — так близко и глухо, что несколько мгновений не различал других звуков. Он знал, кто стоит у окна и кто держит книгу. Знал, как попал сюда. И всё же ждал, что сейчас его окликнут сзади, он обернётся и увидит себя у дверей, ещё стоящего, ещё способного уйти.

Маленькие ноги стояли на скамеечке прямо перед ним. Громогрив смотрел на них, не наклоняясь. Он велел себе сделать это движение; ничего не произошло.

Не сейчас. Можно сказать, что всё остальное исполнено: приказы гарнизонам отданы, места содержания заложников указаны, корона у мальчика. Хотя бы попросить, чтобы отпустили свидетелей.

Громогрив приоткрыл рот. Позади сдвинулся распорядитель — просто переступил с ноги на ногу. Но Громогрив уже видел чужие руки у своих плеч. Перед Севраном он бороться не станет.

Он наклонился и поцеловал сначала одну ногу Лумика, затем другую.

Мальчик едва заметно качнулся в кресле, словно хотел

отодвинуться вместе с ним. Громогрив видел только край мантии и маленькую руку, вцепившуюся в ткань. Поднять голову? Ещё не велели. Он замер, глядя на край скамеечки. Не развалился зал, не вскрикнул ни один из свидетелей. Всё заняло несколько ударов сердца. Рядом переступил с ноги на ногу казначей, подушка шелестнула в его руках. Кто-нибудь должен был заговорить.

— Я принимаю службу, — выговорил он.

Сглотнул и повторил громче:

— Я принимаю службу при вашем дворе, государь.

Барс поднял взгляд на трон. Лумик несколько мгновений молчал.

— Запишите, — сказал он Терену.

Громогрив смотрел на свои ладони, лежавшие на камне возле королевской скамеечки.

Ему разрешили подняться. Церемония продолжалась: подписи, печати, свидетельства. Терен подвинул книгу. В ней заранее оставили строку для имени Громогрива. Он написал слишком крупно, заехал за край.

Слуга взял у него перо. Севран всё ещё стоял у окна.

— Вы довольны? — спросил Громогрив.

Барс шагнул ближе: вопрос вышел громче, чем следовало.

— Вы спрашивали меня об этом, когда велели стоять перед вашими гостями? — ответил Севран.

Громогрив почувствовал, как зал притих. Тогда была другая война, другие обстоятельства; речные князья нарушили

слово, он имел право требовать…

— Я спросил о сегодняшнем дне!

— Я тоже.

Громогрив отвернулся первым.

— Отведите его, — сказал Лумик.

В коридоре было светлее и холоднее. Громогрив остановился, будто не знал дороги. Барс коснулся его локтя.

— Сюда.

Громогрив вырвал руку. Караульные напряглись.

— Я сам!

Барс кивнул.

Комнату под лестницей приготовили заранее. Дверь открывалась внутрь и ложилась вдоль стены слева. Громогрив переступил порог. Справа, вдоль длинной стены, стояла низкая кровать; он отошёл к ней, чтобы пропустить Барса. Начальник стражи остался возле двери, караульные — в коридоре. Там ещё светлел каменный пол, здесь под ногами лежали доски. Одна прогнулась, когда Громогрив перенёс на неё вес.

Потолок косо опускался над кроватью. Громогрив шагнул к изголовью и пригнул голову. Постель занимала почти всю стену: грубая рама, тонкий тюфяк, подушка в небелёной наволочке. Серое одеяло подвернули в ногах. Он посмотрел на длину ложа и понял, что спать придётся с согнутыми коленями. Даже походную кровать ему делали длиннее.

У дальней стены, слева от изголовья, стоял небольшой

стол. Правым краем его придвинули вплотную к постели. На двух широких досках темнел след от поставленной когда-то горячей посуды. У стены оставили пустую миску. Из-под стола выступали ножки табурета. Громогрив задел одну и задвинул табурет глубже, освобождая себе проход. Другой мебели не было.

Окно находилось над столом. Узкое, в глубокой нише, оно выходило в хозяйственный двор; через мутноватое стекло виднелись стена напротив и полоска мокрой мостовой внизу. Громогрив поискал задвижку. Рама была неподвижной, без петель. Слабый дневной свет ложился на стол, до порога почти не доходил.

Справа у входа из стены выступал кирпичный бок печи. Топочную дверцу Громогрив заметил ещё снаружи, в коридоре. Здесь пахло сырой известью, остывшей золой и соломой тюфяка. Над головой протопали чьи-то шаги; он поднял глаза. Скрип прошёл по потолку от одного края комнаты к другому.

В северных покоях он по утрам ходил от постели к окнам, пока ему читали письма. Мог повернуть, не глядя под ноги; слуга с тазом проходил мимо. Здесь от кровати до противоположной стены оставалось место лишь для нескольких шагов. Громогрив обернулся к Барсу и увидел, что тот всё ещё стоит у единственного выхода. За его плечом ещё виднелся кусок коридора. Громогрив не хотел, чтобы дверь закрывали.

Возле печного выступа стояло ведро. Громогрив почти с облегчением подумал, что ему принесут воды. Потом увидел прислонённую к ведру щётку.

— Здесь вы будете жить. О работе объяснят утром.

— Долго?

Барс помолчал.

— До особого приказа государя.

Дверь закрылась. Громогрив дёрнул ворот, расстегнул пуговицу. Вдохнуть до конца всё равно не получилось. Он снял рубаху, осмотрел её, словно в шве оставалось что-то стягивающее грудь. За дверью негромко сказали: «Смена в полночь». Он поспешно оделся, хотя никто не входил.

Громогрив постоял, разглядывая стену, одеяло, миску. Сел на кровать, сразу поднялся. Снаружи прошёл слуга; шаги удалились. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь вернулся. Объяснил, что церемония окончена, разрешил хотя бы расстегнуть ворот.

Он вытер рот рукавом и замер. Посмотрел на ткань. Потом сел снова, закрыл лицо руками. Вместо северной спальни, которую он пытался представить, возникал камень со светлой прожилкой.

Вечером принесли еду. Он не взял.

Ночью взял миску и съел всё. Последнюю крошку, приставшую к краю миски, снял пальцем и поднёс ко рту. Заметив это движение, так и остался сидеть, сжав миску на коленях.

* * *

После того как Громогрива отвели в хозяйственное крыло, Лумик всё ещё оставался в зале. Слуги уносили стулья. Северная корона лежала на столе; без подушки и казначея казалась меньше.

Когда Барс вернулся, Лумик провёл пальцем по ободу и окликнул его:

— Барс!

Начальник стражи остановился у ступени.

— Он здесь останется?

— В приготовленной комнате, государь.

— Я не о комнате! Он теперь… он не сможет увезти меня?

Лумик сжал губы. Хотел спросить о караулах, как спросил бы отец.

— У двери будут двое, — ответил Барс. — В хозяйственном крыле сменили замки. Без вашего приказа его не выведут даже во двор.

Лумик посмотрел на нижнюю ступень. Думал, что после присяги больше не будет страшно. Однако, когда пленник заговорил громко, мальчик едва не отдёрнул ноги под кресло. Он помнил руки, державшие тяжёлую корону. Такие легко сомкнулись бы у него на запястьях.

Что бы папа сказал Барсу? Лумик помнил его ладонь на спине, когда отец нёс его на плечах. Сейчас хотелось, чтобы эта ладонь появилась снова. Можно было бы рассказать всё с самого начала: как тяжела была северная корона, как Громо-

грив посмотрел на него. Отец дослушал бы. Лумик попробовал угадать его ответ — и не сумел. От этого захотелось поскорее уйти из зала.

Когда Севран подошёл проститься, Лумик выпрямился и убрал руку с короны. Речной король поклонился и поблагодарил за приём. Мальчик кивнул; не знал, нужно ли благодарить в ответ. Севран ушёл с сопровождающим.

Иара стала снимать с Лумика тяжёлую мантию. Под ней рубаха прилипла к спине. Он отнял у неё рукав, пытаясь справиться сам, но застёжка зацепилась.

— Подождите, сир.

Лумик стоял, протянув руку. Вблизи было слышно, как на дворе кричат возчики. Там никто не ждал, пока он скажет.

— Ты вечером придёшь?.. Ко мне? — спросил он тихо.

Иара посмотрела на него.

— Приду, сир. Обязательно.

Лумик велел убрать корону в казначейство. Потом вышел вместе с тёткой, стараясь ни разу не оглянуться.

Глава 4. Первая зима

На следующее утро Громогрив решил, что не выйдет из комнаты.

Он повторял это, лёжа на слишком короткой кровати: не выйду. Пусть приведут стражу. Пусть сами поднимают. До рассвета оставалось много времени; можно было раз за разом представлять, как он отказывает им всем.

Первой пришла Лада. Больничную работу она не оставила, а дворцовые дежурства взяла ради лишнего заработка. Поставила воду и чистую рубаху, посмотрела на ведро.

— После завтрака нужно вымыть задний коридор.

— Барса. Позови Барса.

— Он у ворот.

— Ну, распорядителя тогда!

— Его нет.

Громогрив сел.

— Ты понимаешь, с кем разговариваешь?

Она посмотрела на него внимательнее. До этого он видел на её лице только усталость.

— Понимаю.

— Я не стану мыть полы!

— Вода остынет.

Она вышла. Громогрив слушал, как во дворце начинается день: таскают ящики, переговариваются повара, мальчишка

роняет связку ключей в соседнем проходе. Через полчаса появился Барс.

Он закрыл дверь, остался возле неё.

— Вы получили распоряжение. Почему не выполняете?

— На такую службу я не соглашался.

— Вы согласились на службу при дворе.

— Вы тоже были на войне! Вам ли не знать, что говорят на переговорах и что потом делают на самом деле.

— Потому я и пришёл сам. Распоряжение не забудут, пока вы сидите здесь.

Громогрив поднялся. Они оказались почти лицом к лицу.

— Позовите короля!

— Нет.

— Я потребую встречи с ним.

— Требование передам. В коридор вы выйдете сейчас.

— А если я не пойду?

— Войдут двое караульных и выведут. Работы за вас они не сделают. Вы останетесь возле ведра, пока не решите исполнить приказ.

Громогрив взглянул на дверь. Барс не повысил голоса; за дверью скрипнул ремень.

— Ну что, вам нравится?

— Мне нужно, чтобы в служебном крыле был порядок.

— Да я не о крыле!

— А я о нём. Через коридор носят еду в лазарет. Вчера там растоптали грязь. Вы её уберёте.

Громогрив шагнул к двери и остановился вплотную к нему. Барс посторонился. Пришлось выходить, словно именно так они и предполагали закончить разговор.

Щётку Громогрив взял с ненужным усилием. Первый раз провёл по камню слишком сильно, обрызгал одежду и отшвырнул щётку. Караульный поднял щётку, положил рядом. Пришлось нагнуться и взять самому.

Потом он не знал, куда вылить грязную воду. Спросил проходящего слугу, услышал вежливое объяснение и переспросил: нужную лестницу уже заперли. Слуга поставил свою ношу, показал другой путь. Громогрив ждал раздражения, но тот лишь попросил не оставлять ведро посреди прохода.

К полудню заболела поясница. Громогрив выпрямился, упёр руки в бока и увидел Лумика.

Мальчик шёл с Иарой. Остановился возле окна, посмотрел на пленника, на мокрую щётку. Громогрив остался стоять.

— Ты должен поклониться, — сказал Лумик.

— Я не буду целовать ноги мальчишке!

Мальчик вскинул подбородок.

— Я король! Ты же вчера всё слышал!

Громогрив посмотрел на Иару. Она не отвела глаз.

— Вы приняли условия, — сказала она. — Государь не обязан напоминать о них при каждой встрече.

— Вчера я отдал ему корону. Сколько раз ещё вы хотите

принять её у меня?

— Речь о том, что вы подписали. Позвать Барса, Ваше Величество?

Лумик посмотрел на караульного, затем снова на Громогрива.

— Позови Барса.

Громогрив не двинулся. Пока ждали, убрал руки за спину. Он решил, что не станет повторять отказ: услышали с первого раза.

Барс поднялся из нижнего прохода, выслушал Иару. Громогрив смотрел на него, не отступая от окна.

— Вы слышали приказ государя?

— Слышал.

— И отказываетесь?

— Да.

Лумик потянул рукав Иары и сразу отпустил.

— Барс, накажи его. Он специально!

— Двенадцать ударов, государь?

— Да. А потом приведи ко мне.

Громогрив успел увидеть, как Иара взяла мальчика за руку и повела к лестнице. Ему показалось, что теперь ещё можно потребовать разговора без ребёнка. Но Барс уже указал на нижний проход.

— В караульную.

— Я сам дойду. Уберите руки!

Караульные пошли рядом. Слуга с бельём прижался к сте-

не, пропуская их. Громогрив смотрел прямо перед собой, пока за ним не закрыли дверь.

Пока приносили плеть, он стоял возле стола и подбирал слова, которыми прежде останавливал солдат. Здесь его слушали молча. Когда он велел не касаться его, один из караульных на мгновение замер; другой удержал крепче.

Первый удар оборвал слово.

Громогрив рванулся, и державшие его руки стиснулись сильнее. На миг он забыл, что хотел сказать. Потом нашёл прежнюю фразу, начал снова — и услышал собственный крик. Он отвернул лицо. Щека прижалась к рукаву караульного; от него пахло кожей и холодным двором. Громогрив попытался отстраниться, но следующий удар застал его в этом движении.

Он считал, сбился, в короткой паузе успел подумать, что назначенное уже должно было кончиться. Барс ещё не убрал руки. Громогрив набрал воздух, собираясь приказать остановиться, но голос не вышел таким, каким он его помнил. Тогда он сжал челюсти. Ни просить Лумика, ни звать его на помощь он не стал.

Барс закончил назначенное. Руки разжались; Громогрив не сразу понял, что его больше не держат. Попробовал выпрямиться, покачнулся и всё-таки ухватился за предложенную руку. Чужая ладонь была сухой и твёрдой. Как только смог стоять сам, он отпустил её.

К Лумику его привели в малый кабинет. Мальчик стоял

возле кресла; Иара ждала у окна. Барс остановился у двери.

— Теперь исполните приказ государя.

Громогрив посмотрел на мальчика.

— Довольны?

— Ты же сам не стал слушаться!

Громогрив отвернулся к двери. Там оставались оба караульных. Он уже знал, как они возьмут его за руки, если Барс повторит распоряжение. Сказать ещё раз «нет» хотелось так сильно, что пришлось стиснуть зубы.

— Государь ждёт, — повторил Барс.

Громогрив опустился на одно колено, потом на другое. Когда пришлось наклониться, рубаха потянула спину; он остановился, расставив ладони на ковре. Барс стоял позади. Громогрив не обернулся, перенёс вес вперёд и исполнил приветствие. Можно было извиниться, сказать, что теперь всё понял. Он поднялся, не произнеся ни слова. Мальчик ждал ответа, но Громогрив смотрел мимо него, в оконную раму.

— Теперь в комнату. И лекаря позови, Барс.

В комнате Громогрив лёг на край кровати, не найдя удобного положения. Лада принесла воду и ткань. Он хотел прогнать её, но она сказала, что выйдет за мазью, и его рука сжала одеяло.

— Ты вернёшься?

— Вернусь. Нужно же закончить перевязку.

Он отпустил одеяло. Вслушивался в лестницу. Когда

дверь открылась снова, долго не мог выговорить ничего, даже того, что вода слишком холодная.

Ночью Громогрив спорил с Лумиком. Вслух не произносил ни слова; выбирал ответ, после которого мальчик должен был отвести глаза. Но стоило представить следующую встречу, как он снова оказывался у окна, а Барс указывал в нижний проход. Громогрив переворачивал подушку прохладной стороной. Теперь знал, что произойдёт, если снова откажется. Сказать себе, что всё равно откажется, смог лишь под утро.

Когда снова вышел на работу, он начал различать людей, дававших ему поручения. Уборщица, показавшая, как отжимать тряпку, торопилась закончить свою половину коридора. Повар думал о золе, которую нужно вынести. Распорядитель, назначив бывшему королю чистить отхожие места, задержался, ожидая ответа. Громогрив молча взял инвентарь. Потом, оставшись один, ударил ладонью по стене так сильно, что на другой день не мог сжать пальцы.

Первые недели он разговаривал с собой. Перечислял ошибки военачальников, спорил с отсутствующим Орном. Если бы разведчики пришли вовремя. Если бы обоз успел в ущелье. Если бы Терен не увёз дорожные записи. Орн в этих разговорах отвечал всё реже; Громогрив сам выбирал, когда дать ему слово. Иногда слышал собственный голос и замолкал, прислушиваясь к двери.

В конце ноября, уже на исходе первого месяца, его вызва-

ли в малый кабинет.

Лумик сидел у камина с книгой. На полу валялся кожаный мяч, за креслом стоял учебный деревянный меч. Громогрив остановился перед ним. Пришлось напомнить себе, чем закончилась первая встреча после церемонии. Он исполнил приветствие, поднялся и отошёл к двери. Мальчик убрал палец со строки, попробовал передвинуть книгу, не уронив её, затем положил раскрытой на подлокотник. Громогрив следил за ним. Хотелось спросить, где учитель. Пусть пришёл бы кто-нибудь и забрал наконец ребёнка, которому давно следовало сидеть за уроками.

— Подай со стола другую, — сказал Лумик.

На обложке были нарисованы осадные башни. Мальчик перелистнул несколько страниц, нахмурился.

— Ты это читал?

— Я осаждал крепости.

Лумик поднял глаза.

— А мне рассказывали про Белый Брод.

— По картинкам этому не научишься.

Слова шли легко. Пусть Громогрив стоял у двери в одежде слуги — он знал, как подвести башню к стене, как выбрать место для подкопа. А этот ребёнок пробовал разобраться в рисунке, переворачивал страницу, возвращался назад.

Во дворе разгружали повозку. Сорвавшийся обруч ударил о камень. Лумик вздрогнул, задел чашу; вода расплескалась ему на колени.

Громогрив улыбнулся.

Мальчик заметил.

— Вытри.

Громогрив взял ткань, опустился возле кресла и вытер воду с королевской одежды. Лумик забрал у него ткань, промокнул оставшееся пятно. Громогрив всё ещё помнил, как король отшатнулся от звука, и не сразу понял следующий приказ.

— Останься здесь.

— Для чего?

Лумик отодвинул деревянную скамеечку в сторону, освобождая ковёр перед креслом.

— На четвереньки.

У окна перестало скрипеть перо. В кабинете работал Терен; до сих пор можно было почти забыть о нём. Громогрив посмотрел на старика. Тот опустил голову.

— У вас есть скамья.

— Сегодня будешь ты.

— Это тоже решили ваши советники?

Лумик покраснел. Он держал мокрую ткань на коленях и не знал, куда её положить. Наконец бросил на скамеечку.

— Я сам согласился.

— Вы согласились с ними. А теперь вам самому…

— Я сказал! — Голос сорвался. Мальчик посмотрел на Терена, как будто старик должен был повторить приказ за него, но тот молчал. — Ты слышал в зале. Это тоже надо

делать.

Громогрив повернулся к скамеечке. В углу тёмного дерева блестела капля; всё ещё можно было подвинуть её обратно. Он протянул руку.

— Не трогай! — сказал Лумик. — Я сказал: здесь.

Громогрив выпрямился на коленях.

— Нет!

Терен поднял голову. Теперь он смотрел, теперь должен был что-нибудь сказать. Громогрив держал спину прямо.

— Барс! — позвал Лумик.

Тот вошёл почти сразу.

— Он не хочет! Я ему сказал, а он…

Начальник стражи посмотрел на пленника.

— Вы слышали государя?

— Слышал. Вы не слышали моего ответа?

— Будете повиноваться?

Громогрив повернулся к мальчику.

— Вы можете оставить меня здесь. Отнять всё остальное. Но этого я делать не стану.

Он успел почувствовать облегчение: ничего у него не осталось, а этого не получили.

Лумик положил книгу на стол.

— Барс, накажи его. Он же не слушается!

— Десять ударов, государь?

— Да. Пусть потом сделает.

— Здесь?

— Здесь.

Терен встал и отодвинул стул. Громогрив подался к нему, но старик только освободил место. На этот раз Громогрив знал, зачем караульный вышел из комнаты. Смотрел на книгу на столе и пытался удержать только что сказанное «нет», пока ещё мог произнести его спокойно.

Лумик тоже поднялся, обошёл кресло и остановился сбоку от высокой спинки, со стороны камина. Здесь было жарко; намокшие штаны холодили колени. Он взялся за резной край спинки. Отсюда были видны стол, плечо Громогрива и караульный, который придерживал его за руку.

Громогрив отвернулся от кресла. Каждый шорох за спиной принимал за начало и напрягался раньше времени.

При первом ударе Лумик вздрогнул. Пальцы соскользнули с дерева; он ухватился снова. Когда Громогрив закричал, мальчик посмотрел на Барса. Тот продолжал назначенное, и Лумик поспешно опустил глаза.

На скамеечке лежала брошенная мокрая ткань.

Он ведь слышал. Ему сказали. Ещё в зале сказали.

Громогрив прикусил рукав, когда голос сорвался. Ткань наполнила рот; он всё ещё пытался удержать в голове сказанное «не стану», но после очередного удара смог вспомнить только, что нужно досчитать. Просить остановиться не стал.

Лумик стоял у спинки. На крик всякий раз поднимал голову, затем снова смотрел вниз. Ему хотелось отойти к окну, где стоял Терен. Он уже повернулся туда, но остался возле

кресла.

Барс закончил назначенное.

— Позовите лекаря, — сказал он караульным.

Громогриву помогли подняться. Он резко отнял руку и остался стоять у стола, глядя в стену.

Лумик выпустил спинку кресла. На ладони отпечатался резной край. Караульный уже повернулся к двери, и мальчик шагнул из-за кресла:

— А приказ? Он всё равно должен сделать!

— Когда лекарь позволит, государь. Сейчас не удержится.

Мальчик посмотрел на скамеечку.

— Хорошо. Но потом пусть сделает.

В комнате Лада сменила повязки. Громогрив молчал, пока она работала. После её ухода долго смотрел на дверь: хотел вернуться к прежним словам, в которых он ещё мог отказать и уйти из кабинета на своих ногах.

Через шесть дней его снова вызвали.

Рубаха тёрла спину. У двери прежняя ярость вернулась, и он остановился. Барс не поторопил. Громогрив постоял, глядя на ручку, затем открыл дверь сам.

Лумик сидел с той же книгой. На столе лежало надрезанное яблоко. Терен поправлял лампу.

Громогрив поднялся после приветствия. Король отодвинул скамеечку в сторону, освобождая прежнее место перед креслом.

— Вот сюда.

Громогрив повернулся к Лумику боком и снова опустился на колени. Опираясь ладонями на ковёр, он встал поперёк перед креслом, головой к столу и правому подлокотнику; колени остались перед левой половиной сиденья. Барс оставался у двери. За шесть дней Громогрив придумал десятки ответов, а здесь не смог выбрать ни одного. Посмотрел на дверь и опустил голову. Сегодня он выполнит приказ. Только сегодня: это он повторял, пока Терен раскрывал книгу.

Лумик вытянул ноги вперёд и положил их ему на середину спины.

Громогрив закрыл глаза. Ничего больше не случилось. Терен переставил чашку, мальчик спросил о незнакомом слове. Старик ответил. В какой-то момент Громогрив заметил, что прислушивается к вопросу: если новая глава окажется длинной, стоять придётся дольше. Он попытался переставить руку, удержал спину, переждал.

В первый раз его отпустили раньше, чем догорела лампа. Лумик убрал ноги. Громогрив выпрямился на коленях и только потом с трудом встал, поклонился и вышел. На ладонях отпечатался ковёр; в комнате Громогрив долго рассматривал узор, потом спрятал руки под одеяло.

В декабре выпал снег. Громогрив видел его, когда мыл лестницу; если двор пустел, задерживался у стекла. Лада оставила возле ведра кусок чистой ткани.

— Для коленей.

Он хотел отказаться, но она уже ушла. До вечера ткань

лежала в углу, потом он взял её с собой.

В середине декабря с Севера приехали двое. У ворот их пропустили по грамотам трёх старшин, подтвердивших предварительный мир. Радан снял меч и отдал караульному рукоятью вперёд. Подождал, пока тот проверит ножны. Эдра сама подняла из саней маленький окованный сундук; помощь приняла лишь на лестнице.

В приёмной они сидели недолго. Радан дважды начинал ходить от окна к двери и оба раза возвращался к скамье. Эдра раскладывала на коленях листы, прижимая загибавшиеся углы. От сундука на платье остался мокрый след.

Лумика привела Иара. Барс встал за королевским креслом.

Радан поклонился. Он никогда прежде не видел южного короля так близко. Мальчик едва поднялся над столом, садясь, и подвинул к себе подушку. Воевода задержал на нём взгляд, затем перевёл его на Иару.

— Говорите государю, — сказала она.

Радан повернулся к креслу.

— Ваше Величество, мы привезли выкуп за Громогрива.

Эдра положила перед Иарой полномочия совета рудных городов. Рядом — записи о сборе, поручительства, опись серебра. Она назвала сумму: тысяча здесь, ещё две — к двум следующим летним ярмаркам. Сундук открыли. Под верхней тканью лежали мешочки, каждый с отдельной печатью.

Лумик смотрел, как казначей поднимает один из них. В

мешочке глухо звякнуло серебро.

— Это всё… за него? — спросил он.

— Всё, сир, — ответила Эдра. — Часть собрали семьи. Часть города заняли под будущую продажу руды. Те, кто дал в долг, получили наши записи.

— Он вернётся домой? — Лумик посмотрел на Барса.

— Мы просим об этом, — сказал Радан. — Без короны. При условии не собирать войска. Я останусь здесь до полной уплаты, если потребуется заложник.

Эдра подняла глаза от бумаг. Радан чуть отодвинул свою руку от листа: этой строки там не было.

— Он много лет был моим государем, — продолжил воевода. — Я посылал за помощью и знал, что он придёт. Не могу теперь дома сидеть, когда он у вас. Вот и приехал.

— Вы пробовали его выручить? — спросила Иара.

— У нижней переправы. Не прошли. Часть обоза потеряли, людей пришлось отводить. — Радан говорил Иаре, потом повернулся к Лумику. — Теперь я привёз то, что удалось собрать серебром, Ваше Величество. Прошу принять.

Иара дочитала поручительство.

— Здесь три поручительства, — сказала Иара. — За эти земли отвечают. А с остальными как? Мы ведь не можем считать их согласными только потому, что они не приехали.

— С ними договариваются.

— Они не дали вашим людям пройти к двум рудникам.

— Потому что сбор назначили ещё до собрания, — ска-

зала Эдра. — Они спорят о сборе. Отказаться от мира — другое дело.

Барс попросил карту. На столе обозначили города, от которых были печати. Между ними оставались пустые места.

Лумик проследил пальцем вдоль дороги, но не дотянулся до края. Встал на перекладину кресла. Иара подвинула карту ближе.

— Здесь его будут слушаться? — спросил он, показав на неотмеченный город.

Радан не сразу ответил.

— Там его помнят.

— А если он скажет идти сюда?

— Он даст слово. Не пойдёт.

Барс стоял неподвижно. Лумик убрал палец.

Иара предложила продолжить после того, как проверят поручительства. Гостей отвели в отведённые комнаты. Радан унёс меч в ножнах, не надевая пояса. Эдра задержалась: уточнила, когда дадут ответ и где останется сундук. Казначей выдал расписку, и только тогда она ушла.

Лумик дождался, пока закроют дверь.

— Если он даст слово… его надо пустить?

— Вы можете отказать, сир, — сказала Иара. — Деньги мы ещё не приняли.

Барс передвинул на карте северную метку.

— К его дому ведут дороги из всех этих мест. Мы не знаем, кто придёт первым. Даже без его приказа.

— А Радан останется здесь.

— Воевода не заменит прежнего короля. Его людям нужно имя Громогрива.

— Я бы всё-таки предложила крепость на юге, — сказала Иара. — Пусть живёт отдельно. Караул назначим мы, и за пределы крепости он без нашего приказа не выйдет.

— Там будут наши? — спросил Лумик.

— Наши, Ваше Величество. Но возвращения домой не получится.

Он сел глубже в кресло. Хотелось спросить, кто будет носить ключ от крепости и нельзя ли отнять у него этот ключ, пока он спит. Но Барс уже убрал руку с карты; северная дорога снова тянулась через весь стол, до самого края.

— Нет. Я хочу, чтобы он остался здесь.

Барс склонил голову. Иара помолчала, затем спросила:

— Это ваш ответ послам?

— Да. Серебро пусть увезут.

На другой день Эдра принесла новую запись. Место жительства — северная крепость, из которой нельзя выехать без дозволения Лумика. Начальника назначит юг; с воеводами Громогрив не встречается. Короны не требует. Радан стоял рядом и смотрел, как Иара читает.

— На юге у нас уже есть место, — сказал Барс. — Здесь.

— У вас есть пленник на службе, — ответил воевода. — Мы просим, чтобы он жил отдельно. Хотя бы в крепости. Можно оставить за вами ключи, только не заставлять его

каждый день…

Он замолчал. Лумик сидел прямо, обе руки лежали на подлокотниках.

— Это также было в условиях, — сказала Иара.

— Да, когда он уже был у вас в плену! А теперь мы привезли то, чего тогда не было: выкуп и поручительства городов.

Эдра подала второй лист.

— Назовите, каких гарантий недостаёт. Я могу послать за другими печатями. Людям нужно знать, ради чего они собирают деньги.

Барс посмотрел на мальчика.

Лумик вспомнил, как Громогрив поднялся с пола в зале. Как близко тот прошёл мимо трона. На карте между ними была целая страна; тогда было всего несколько шагов.

— Он останется здесь, — сказал король. — На Север я его не отпущу.

Радан вскинул голову. На мгновение Лумику показалось, что тот сейчас подойдёт к креслу; пальцы сжались на подлокотнике. Но воевода поклонился.

— Дайте нам письменный ответ, Ваше Величество.

Иара положила пустой лист перед Тереном.

Серебро увезли в том же сундуке. Эдра сверила печати по описи. Одну заменили в её присутствии: ткань отсырела и отошла от воска. Радан ждал у саней, держа под уздцы чужую лошадь.

Громогриву объявили о переговорах через два дня. Терен пришёл с копией ответа и прочёл её стоя.

— Радан?.. Он был здесь?

— С Эдрой. Она уполномочена рудными городами, а Радан был старшим послом.

Громогрив сел на кровать. Захотелось выпрямиться, словно воевода мог сейчас войти и увидеть его. Потом он заметил щётку у двери и отодвинул её ногой за ведро.

— Он просил увидеть меня?

— Просил. Встречи не разрешили.

— Что он сказал?

— Мне велено только прочесть ответ, — сказал Терен. — Встречу не разрешили. Больше я вам ничего передавать не могу.

Громогрив кивнул. После ухода старика долго смотрел на дверь. Радан не мог исправить сделанного им, но приехал. Взял с собой серебро. Стоял где-то здесь, в нескольких коридорах от этой комнаты.

Вечером Громогрив попросил снова прочесть ответ. Он слушал тот же отказ, дожидаясь имён в начале письма.

На Новый год Громогрив попросил бумагу. Хотел узнать, цел ли дом. Лада сказала, что передаст просьбу. На следующий день пришёл распорядитель: частная переписка пленнику запрещена.

— Даже о доме?..

— Даже о доме.

— Так пусть прочтут! Я не стану писать шифром.

— Вам не разрешили отправлять письма. Проверять их или нет — такого распоряжения мне не давали.

Потом Громогрив несколько дней сочинял письмо у себя в голове. Начинал с распоряжения, переделывал в просьбу. В конце оставил одну строку: «Скажи мне, стоит ли ещё мой стол у окна». Он не знал, кому её адресовать, кто теперь имел право войти в библиотеку.

Через несколько дней после Нового года Лумик встретил его на лестничной площадке. Обычно к этой минуте ведро уже стояло на полу. Сегодня Громогрив удержал его.

Утром ему снова отказали в бумаге. Он мысленно спорил с распорядителем, перебирал имена людей, которые могли бы ответить, и не сразу отступил с дороги.

— Поставь ведро.

Громогрив поставил. Выпрямился.

— А теперь поклонись.

— Я поклонился вам утром.

Лумик посмотрел на караульного.

— Я тебе сказал!

— Да все здесь знают, кто вы! Вам ещё нужно, чтобы я ложился у каждого окна?

Служитель с дровами остановился на лестнице. «Пусть слышит!» — подумал Громогрив.

— Позови Барса! — сказал Лумик караульному.

Пока ждали Барса, Громогрив уже жалел, что не прошёл

минутой раньше. Но начальнику стражи повторил:

— Я не стану.

— Он опять не хочет! — Лумик повернулся к Барсу. — Накажи его.

— Десять, государь?

— Да. А потом пусть поклонится.

Служитель отвернулся. После наказания Громогрив вернулся к Лумику и исполнил приветствие. Поднявшись, резко вытер щёку. На мальчика больше не взглянул.

— Пусть теперь лекарь посмотрит, — сказал Лумик.

Несколько дней лестницу мыл другой работник. Лада меняла Громогриву повязки; однажды он снова заговорил о письме. Она попросила приподнять руку.

В последнюю неделю января он встретил Лумика дважды за четверть часа.

Сперва у столовой: поставил кувшин, исполнил приветствие, пропустил короля с Иарой. Успел порадоваться, что теперь можно спокойно отнести воду и до вечера больше не встретиться.

Но Лумик забыл у Терена плащ. На обратном пути торопливо застёгивал его; следом шёл Барс.

Громогрив прижался к стене с кувшином в руках.

— Поставь, — сказал мальчик.

У кухонной двери ждала работница с пустой корзиной. Утром она попросила помочь с тяжёлой крышкой котла; несколько минут они вместе возились с заевшей петлёй. Она

смеялась, когда он перепутал, куда тянуть, потом подала ему клин. Сейчас Громогрив никак не мог заставить себя отнять руки от кувшина.

— Пусть она пройдёт.

— Сперва поклонись.

Он опустил кувшин и наклонил голову. Прежний придворный поклон — достаточно глубокий, чтобы признать чужую власть. На мгновение показалось, что его пропустят.

— Не так.

Громогрив переставил ногу, выбирая сухое место. Смотрел на камень, но колени не сгибались.

— Не задерживайте государя, — сказал Барс.

— Я… не могу.

Мальчик повернулся к начальнику стражи.

— Барс, накажи его. Я у Терена буду.

— Десять, государь?

— Да.

— Я сейчас…

Лумик уже ушёл. Корзина задела дверной косяк: работница отступала в кухню. Громогрив услышал этот стук и не повернул головы.

В караульной Громогрив заговорил, прежде чем Барс успел отдать распоряжение:

— Отведите меня обратно. Я сделаю. Слышите? Я сейчас всё сделаю!

— Вернётесь после наказания.

— Скажите государю… Я не отказываюсь. Пусть позволит вернуться!

Барс велел исполнить назначенное. Громогрив всё ещё смотрел на дверь, через которую можно было вернуться к Лумику. Если сейчас её откроют, он дойдёт сам, никто не станет ждать. Но караульный прошёл мимо двери, и Громогрив потерял слова. Попытался повторить просьбу — вышли только первые звуки. Он слышал, как торопится его голос, и не мог вернуть ему прежнюю твёрдость.

Потом у комнаты Терена пришлось ждать: старик искал нужный лист. Громогрив прижался лбом к холодному косяку. Когда дверь открылась, поспешил к креслу и стал на колени. На этот раз получилось сразу.

— Простите меня, Ваше Величество. Пожалуйста… Я не должен был отказываться.

Он исполнил требуемое приветствие и поднял голову. Лумик смотрел на него поверх листа; Громогрив не мог понять, ждёт ли мальчик ещё чего-нибудь.

— Я больше не буду. Сразу сделаю, как вы скажете. Только простите…

— Каждый раз, — сказал Лумик. — Даже если ты меня уже видел сегодня. Понял?

— Да, государь. Сразу… Я сразу.

— Барс, если он опять не станет, накажи. Как сегодня. А потом мне скажешь. Меня каждый раз не зови.

Громогрив смотрел на свои руки. Прежде ещё оставалось

время, пока ищут Барса. Можно было следить за дверью, надеяться, что войдёт Терен, что короля позовут. Сейчас начальник стражи ответил поклоном и получил приказ заранее.

В последние дни февраля Громогрив едва не повторил прежний отказ.

Он нёс корзину с золой. Узнал приближение короля по быстрым шагам, по короткой паузе на повороте и шороху ладони о деревянную обшивку. Поставил корзину, начал сгибать колени. Тут же ухватился за выступ стены и выпрямился.

Лумик шёл с Барсом. Замедлил шаг.

— Ты меня видел?

— Да.

Внизу рабочие сбивали лёд с водостока. Громогрив смотрел на застёжку королевского плаща. «Только не здесь». Он ещё не произнёс этого вслух, но уже представлял, как Барс укажет на нижний проход.

Начальник стражи сделал шаг. Громогрив отнял руку от стены.

— Сейчас, государь.

Он исполнил приветствие. Поднимаясь, задел рукавом корзину, придержал её. Барс остался возле короля.

— Увидел меня — сразу поклонись, — сказал Лумик.

— Да, Ваше Величество.

Они пошли дальше. Громогрив держал корзину за край и

вслушивался: не остановились ли за поворотом, не позовут ли обратно? Когда шаги стихли, он поднял корзину обеими руками. Пальцы всё ещё не слушались.

К концу зимы Громогрив уже смотрел на пол заранее. Услышав шаги, сначала освобождал ладони. Несколько раз ошибался: из-за угла появлялся слуга, а он уже стоял, согнув ноги, возле торопливо поставленного ведра. Слуга проходил. Громогрив поднимал ведро и не смотрел вслед.

Иногда ему не требовалось увидеть короля: хватало того, как вдруг выпрямлялся караульный. Он ещё успевал рассердиться на собственную поспешность, но к этому времени колени уже касались пола.

Его сопровождали и в служебных переходах. Кухонным работникам велели передавать распоряжения через старшего; посланцев с Севера проводили другим входом. Услышав за дверью знакомое произношение, Громогрив останавливался, но страж говорил: дальше.

На исходе марта он заметил из окна конюшенного работника. Тот чинил упряжь у нижней калитки. Поднятый ворот закрывал лицо, однако рука, прежде чем затянуть ремень, привычно прошлась пальцами по шву.

Громогрив задержался у стекла.

— Дальше, — сказал караульный.

Он пошёл. Но вечером впервые за много недель уснул, думая о нижней калитке.

* * *

В июле Радан вывел войско к пограничной заставе. Два рудных города, не присоединившиеся к предварительному миру, дали ссуду на месячный поход. Откупное серебро к тому времени почти всё вернули тем, кто его внёс; брать снова пришлось у тех же семей. Эдра приехала проводить обоз и при людях повторила срок. Радан велел записать: на новый поход без согласия городов денег не возьмут. Потом сел в седло. Над передним рядом подняли старый северный стяг.

Заставу взяли на рассвете. Первый приступ отбили. Во второй раз северяне подошли к воротам с тяжёлым бревном; люди со щитами прикрывали тех, кто его нёс. Когда от ударов подалась створка, Радан вошёл вместе с передними. Караул у башни ещё держался. Воевода послал туда своих людей, а сам остановил тех, кто бросился за отступавшими к дороге.

— За ними не гнать! Двор открыть для повозок!

У ворот лежали двое его воинов. Один поднял голову, услышав голос; другой не двинулся. Радан спешился, велел принести носилки. На башне уже снимали южный знак.

К полудню застава была его. Взяли запас стрел, зерно, вьючных лошадей. Пленных заперли в нижней комнате, раненым дали воды. Люди ходили по двору, трогали стены, говорили громче обычного. К вечеру из ближайших селений привели ещё лошадей. Радан впервые после зимней поездки позволил себе думать, как встретит Громогрива.

На заставе он задержался на четыре дня: ждал повозок

и людей из двух отдалённых селений. Следующая переправа лежала в двух переходах. Через неё шли обозы к южным гарнизонам. Занять оба берега, удержать дорогу — тогда на предложение выкупа придётся отвечать иначе. Старшины, выжидавшие дома, увидят, что южане тоже отступают.

Уцелевшие защитники заставы добрались до переправы той же ночью. Двое пошли дальше, меняя коней. Первое донесение Барс получил через три дня; о числе нападавших в нём ничего достоверного не было.

Он послал приказ ближайшей пешей части, стоявшей в одном переходе от реки: занять переправу. Следом велел вести стрелков. Распорядился провести два обоза до переправы под усиленным прикрытием, остальным ждать на южном берегу. Лумику принесли карту, когда он ещё завтракал.

— Они далеко? — спросил мальчик.

Иара назвала переходы до заставы. Он загнул пальцы, сбился, начал снова.

Барс показал реку.

— Здесь их встретят, Ваше Величество. У нас есть время.

— А если не встретят? Если они пройдут?

— За рекой собирается ещё одна часть. Я буду получать известия каждый день.

Девятилетний Лумик смотрел на пустую дорогу между отмеченными местами. Хотелось спросить, можно ли сегодня спать в комнате рядом с Иарой, но при Барсе он не спросил. Отодвинул недоеденный хлеб и попросил не убирать карту.

Радан узнал о подкреплении от дозорных. С юга подходила пехота, но мост ещё не заняли. Он оставил пеших подтягивать обоз и пошёл вперёд с конными.

К полудню северный стяг стоял на другом берегу. За рекой дорога расходилась между убранными полями; по одной ветви шли южные повозки. Передние конные уже растянулись вдоль низкого каменного ограждения, а позади ещё гудел настил моста. Радан оглянулся: пешие не вышли на свободное место за переправой. Впереди охрана торопливо отводила повозки к ограде; над камнями дёргались лошадиные уши, мелькали головы возниц. Он дал знак ударить, пока не выстроились копейщики.

Первые северяне прошли вдоль ограды, захватили две повозки. Возницы бросились к полю. Несколько всадников погнались за ними; кони понесли остальных дальше, чем велели. Радан услышал победный крик за собственным плечом и обернулся.

С южной дороги уже спускались пешие. Не прятались, шли под своими знамёнами; ещё можно было собрать конных и уйти за мост. Но северная пехота подходила, до неё оставалось совсем немного. Радан велел вернуть преследователей и держать дорогу.

Собрать всех не удалось. Копейщики успели дойти до ограды; стрелки развернулись возле повозок. Конные северяне подавались назад, оставляя на поле тех, кто упал. Радан послал за своими пешими. Когда они вышли к дороге, при-

шлось вводить их по частям, чтобы прикрыть отходивших.

К вечеру мост ещё оставался открытым. Южане теснили к нему, но обхода за спиной не было. Радан сам вернулся на поле с последними конными, пока пешие подбирали раненых. Две захваченные повозки бросили; своих вынесли на щитах. У одного из рядов осталось слишком мало людей, и воевода поставил рядом тех, кто ещё мог держать копьё, не спрашивая, из какого они города.

За мостом он пересчитал вернувшихся. Приказал перевязать раненых и поставить охрану у настила. Впереди, на южном берегу, всё ещё были видны его люди — те, до кого не удалось добраться.

Радан сидел на земле возле раненых. Принесли последние донесения: с юга подходит конница. Северная дорога пока свободна.

Один из сотников попросил дать ему людей, чтобы снова выйти на тот берег.

— Они тоже устали! Дайте мне людей, воевода. Заберём наших и вернёмся.

Радан посмотрел на руки, которыми тот держал шлем. Пальцы дрожали.

— Повозки под раненых. Всё, что мешает, бросить.

Сотник не сдвинулся.

— Воевода…

— Отходим на север. Для тех, кто остался там, пришлём выкуп.

Отступали ночью. На заставе задержались только затем, чтобы забрать своих и вывести пленных. Защитить и её, и дорогу от подходивших частей Радан уже не мог. Северный стяг свернули. Зерно из захваченного склада досталось прежде всего тем, кто лежал в повозках.

Обратно он привёл меньше людей. У городских ворот семьи шли навстречу, заглядывали под пологи. Радан приказал остановить обоз и сам стал называть погибших. Одно имя пришлось повторить: женщина не расслышала, хотя стояла близко. Потом спросила, где его оставили. Воевода ответил и показал место на дорожном листе.

Эдра дождалась вечера. Пришла с записью расходов и перечнем недостающих упряжек. Он сидел над списком пленных, которых предстояло возвращать с юга.

— На лекарства нужно ещё, — сказал Радан.

— На лекарства отложено. И семьям тоже. Я обещала, что получат, — значит, получат.

— А если к осени?.. Собрать людей ещё раз?

Она положила бумаги рядом с его списком.

— Прежнюю ссуду ещё не вернули. Раненые до зимы не встанут. Кто будет работать вместо тех, кого вы привезли?

— Если бы пешие успели утром…

— Но ведь не успели, воевода. Теперь нужно считать тех, кто вернулся.

Он поднял на неё глаза.

— Я там был!

Эдра подвинула ему чистый лист.

— Тогда напишите, что нужно раненым. Вот это я повезу в города. Нового сбора на поход я просить не стану.

— Вы тоже были у южного короля.

— Поэтому и собирала выкуп. А эти деньги мы брали на один поход. Вы это подписали.

Радан отыскал свою запись. Провёл пальцем по имени.

— Но Громогрив там остался, Эдра.

— Остался.

Она села напротив, не забирая листов.

Через некоторое время Радан отложил перечень оружия, которое потеряли за рекой, и начал писать, сколько повозок нужно для раненых и кому до зимы не выйти на работу. Эдра считала на свободном краю. За окном всё ещё стояли люди: ждали, пока прочтут следующий список.

К осени два города, оплатившие поход, прислали посланцев с просьбой о перемирии. Радан приехал с ними по охранной грамоте. У входа опять пришлось отдать меч; он снял пояс и сам положил его на стол караульного.

В малом зале Иара развернула две записи. В одной города обязывались прекратить нападения, отвести отряды от границы и вернуть пленных июльского похода. Другая содержала просьбу о Громогриве.

— О Громогриве ответ прежний, — сказала Иара. — Просьбу я приму отдельно. Сейчас нам нужно договориться, чтобы больше не посылали людей к заставам. Давайте сна-

чала это.

Эдра подала полномочия городских советов. На этот раз каждый отдельно указал, что разрешает своим послам подписать. Поручительства за остальные северные земли не было.

Лумик долго смотрел на пустое место возле названия одного города.

— Здесь должно быть, что они мне присягают?

— Такой строки нам не поручили, Ваше Величество, — ответила Эдра.

— Но он же отдал мне корону!

Иара придвинула к мальчику прежнюю грамоту.

— Громогрив подписал отречение в вашу пользу уже в плену. Уцелевшие в Чаше сложили оружие. Три города зимой прислали вам отдельные присяги. Эти два к ним не присоединились и дали Радану людей для похода.

Лумик посмотрел на воеводу.

— А теперь?

— Теперь они поручили мне вернуть живых и закончить этот поход, государь. За весь Север я присягнуть не могу.

— За свои города можете, — сказала Иара.

— Их советы пока не согласились.

Барс положил на стол донесение с переправы.

— Застава снова наша, государь. Переправу удержали. Если продолжать войну, придётся идти к их городам. До снега раненых оттуда не вывезем, обозы ещё не собраны. Я сове-

тую принять перемирие. Караулы на границе останутся.

Лумик загнул пальцы, считая города, потом опустил руку.

— Значит, эти двое ещё не мои?

— Они дают вам слово не нападать, — ответила Иара. — О признании короля ещё будут договариваться. За остальных старшины прежние грамоты не подписывали.

Эдра попросила открыть дорогу для мирных обозов после первого обмена пленными. Барс назвал посты, на которых их будут проверять. Радан долго читал строку об отводе отрядов, затем спросил, когда южане передадут список захваченных у переправы.

К вечеру условия переписали и прочли Лумику ещё раз. Он уточнил, где останутся северные отряды, и согласился на перемирие. Просьбу о Громогриве отправили отдельно; освобождения пленника в соглашение не внесли.

До второй зимы обменяли первых пленных, через заставу снова пошли обозы. Три города признавали власть Лумика; два других соблюдали перемирие, откладывая присягу. Остальные земли просили о торговле или отказывались прислать выборных. Общей северной грамоты ещё не было.

Громогриву условия перемирия прочли при караульном; увидеть Радана или послать ему ответ не позволили.

Глава 5. Нижняя калитка

Только осенью он разглядел лицо человека у нижней калитки. Это был Варн. Обожжённая в молодости щека потемнела, волосы возле шрама почти не росли. В северном обозе Варн ухаживал за вьючными лошадьми; Громогрив помнил его спину над упряжью лучше, чем лицо. После первой войны возчик женился на южанке и остался возле столицы. Теперь возил для дворца зерно и дрова.

Первую зиму плена Громогрив запомнил по запертым дверям. К следующей уже различал за ними голоса, мог по стуку колёс угадать, кто въехал во двор. У телеги Варна не хватало железной скобы: заднее колесо постукивало коротко, через равные промежутки.

Почти месяц они виделись издали: Громогрив мыл лестницу, когда возчик передавал накладную и уходил к конюшне. Иногда Варн поднимал глаза на окно — Громогрив ждал этого движения и сердился, когда не дожидался.

В начале второй зимы во дворе прорвало трубу. Воду носили из колодца. Громогрива поставили наполнять вёдра; караульный под навесом спорил с кладовщиком, кто подпишет получение мокрых мешков.

Варн подвёл лошадь к водопою.

— Государь, — сказал он почти беззвучно.

Громогрив дёрнул ворот. Ведро ударилось о каменную

стенку.

— Тише там! — крикнул караульный.

Варн уже занимался лошадью. Громогрив вытащил ведро, перелил воду, снова опустил цепь. Он выпрямился, впервые за долгое время ощутив ширину собственных плеч.

— Ты здесь работаешь?

— У перевозчика.

— Давно?

— Четвёртый год.

Кладовщик закончил спор. Караульный подошёл к колодцу и велел отнести воду.

До вечера Громогриву казалось, что все видят перемену. Ночью составлял вопросы о Северном дворе, о гарнизонах, о тех, кто остался верен. К утру от этих вопросов почти ничего не осталось. Варн женился здесь, работал у перевозчика, дальше окрестных мельниц не ездил. Громогрив рассердился на него за бесполезность.

Следующий случай выпал через девять дней. В старом коридоре меняли оконные рамы; Громогрив носил снятые рамы к телеге, пока караульный держал рабочим лестницу.

— Не смотрите на меня так часто, — сказал Варн, принимая раму. — Ну что вы… Заметят ведь.

— Здесь есть выход к реке?

Рама качнулась.

— Отсюда все дороги к реке.

— Ты понял, о чём я.

Варн отвернулся. Громогрив подождал, пока рабочие закричат друг другу наверху.

— Я не останусь здесь до смерти.

— У меня семья.

— Я отплачу.

— Чем? Простите, но вам сейчас нечем.

От прямоты у Громогрива перехватило дыхание.

— За Лозовым перевалом, в охотничьем доме, осталась казна. Не всё попало в книги.

— Кто теперь держит тот дом?

— Я вернусь и получу своё.

— А меня возьмут раньше, чем вы доберётесь до перевала.

— Ты служил мне.

— Я возил овёс. Потом вы отпустили обозных. Я женился.

— Присяга от этого не исчезла.

Варн осторожно поставил раму: за разбитое стекло вычли бы из платы.

— А Нелла? Она без меня телегу не поведёт. Двое детей, старший ещё ремень на хомуте не затянет… Вы кому обещаете золото — мне или им?

Караульный отошёл от лестницы. Громогрив взялся за другой край рамы. Больше они не заговорили.

Той ночью ему всё слышалось: «Ты служил мне». Он попробовал представить Неллу, которая ждёт телегу, слышит чужие колёса и выходит к воротам. Лица у неё не было. Вме-

сто лица он всякий раз видел нижнюю калитку.

Через неделю у Варновой телеги лопнула ступица. Громогрив держал под осью деревянную подпорку; караульный ушёл за кузнецом.

— Не начинайте опять о присяге, — произнёс Варн.

Громогрив промолчал.

— Думаете, мне легко смотреть, как вас с ведром гонят? Я помню, как вы перед войском сидели. И тогда, у колодца… Хотелось хоть государем назвать. Думал, легче вам станет.

— Стало.

Варн потянул колесо. Оно не поддалось.

— А потом вы потребовали остальное.

Громогрив помог сдвинуть его. Несколько мгновений они удерживали тяжесть с двух сторон.

— Помоги мне выйти. Только выйти! Я об этом прошу.

— Сегодня только. А там опять позовёте.

— Не поведу тебя на войну.

— А Неллу? Её на Север не потащите? И детей?

— Я поклянусь, если тебе нужно.

— Нужно.

Громогрив поклялся именем Ильмы. Договорив, сердито посмотрел на колесо. Варн поставил его на землю.

— За калитку проведу. Дальше не поручусь. Если доберётесь, пришлёте серебро перевозчику за мой долг. Иначе он у Неллы дом отберёт.

— Сколько?

— Одиннадцать серебряных. И три за лекаря. Она зимой болела.

Громогрив чуть не обещал сотню, но Варн слишком внимательно ждал ответа.

— Четырнадцать. С долгом разберусь первым.

— Я из-за ваших слов рискую всем, что есть.

Вернулся караульный. Варн нагнулся к ступице, словно весь разговор был о колесе. Громогрив остался держать подпорку.

Они готовились всю зиму. Варн ездил на дальнюю мельницу, менялся караул, выпадал снег. Иногда неделями удавалось только увидеть друг друга. Громогрив хранил следующий вопрос до новой разгрузки.

В комнате он чертил маршрут пальцем на одеяле. Поставить короб, обойти навес, не свернуть к большой дороге. Утром склад оказывался совсем другим: в проходе стояла бочка, возле нужного угла разгружали уголь. Один раз там сидели двое мальчишек с мисками, и пришлось пройти мимо. Он злился на них, как на выставленную против него стражу. На другой день мальчишек не было; зато вернулся караульный, который любил сам пересчитывать короба.

Громогрив перестал спрашивать Варна при каждой встрече, скоро ли. Но, когда возчик долго не приезжал, опять начинал искать его из окна.

В феврале они разбирали отсыревшую солому в сарае. Стражник грел ладони над жаровней снаружи. Варн присел

и провёл щепкой по пыли.

— Нижняя калитка здесь. На большой дороге вас увидят из караульни. Сразу за зерновой навес.

— Перелезть стену у конюшни нельзя?

— Там псарня и решётка внизу. К четверговой разгрузке пустые короба относят на наружный двор. Привратник считает возы, смотрит накладную. Кладовщик обычно зовёт караульного к весам; тогда пойдёте с работниками. У дальнего навеса поставите короб и повернёте за угол.

— Если караульный пойдёт со мной?

— Несите короб обратно. Он один крикнет — до угла не дойдёте.

— Ты его купишь?

Варн поднял голову.

— Нет. И на лошадь денег не достану. Мы с вами о чём договорились? Вы каждый раз ещё кого-нибудь добавляете.

Стражник кашлянул. Оба замолчали; через щель в досках виднелась его рукавица.

Позднее Варн объяснил: после последнего дневного колокола смена относит ключи в караульню. Калитку не оставляют, но несколько минут возле неё один привратник, занятый накладными.

— Я надену твой плащ.

— Старый, с заплатой. Оставлю на колышке за коробами. Только капюшон до носа не натягивайте. Наши так не ходят.

На следующей разгрузке Громогрив пронёс короб, повер-

нулся к проходу.

— Куда понёс? Здесь ставь, — окликнул караульный.

Он поставил. До вечера ждал вызова к Барсу, но никто не пришёл. На другой день Варн сказал:

— Рано повернули. Сначала кладовщик должен позвать стражника к весам.

— А если не позовёт?

— В тот день не пойдёте.

В начале марта пропали два мешка муки; неделю досматривали каждую повозку. Варна всё не было. Когда он приехал, Громогрив загородил ему путь у бочек.

— Ты передумал?

— Да меня с ночи обыскивали! Мешки перетрясли. Что я вам должен был показать — стражника в кузове?

Варн отодвинул его с такой сердитой осторожностью, что Громогрив отступил.

В марте возчик спрятал в связке ветоши кусок кожи. Углём на нём были обозначены стена, навес, пустая мельница, развилка, старая переправа. За рекой — квадрат.

Что означал квадрат на схеме, удалось выяснить через три дня. Они стаскивали мокрую попону с больной лошади; конюшенный старший ушёл за тёплой водой.

— Угольный шалаш, — сказал Варн. — Под лежанкой оставлю мешок. Сухие обмотки, хлеб. Восемь медяков.

— На восемь я до перевала не дойду.

— До ближайшего торга дойдёте. Больше нет.

— Одолжи.

Варн перестал тереть лошадь. Громогрив отвёл глаза.

— Хватит и восьми. Перед мостом куда?

— На развилке направо. Слева свет из деревни. После шалаша утром выйдете к восточному тракту: на Северной заставе вас будут спрашивать прежде всего.

— Если в шалаше кто-нибудь будет?

— Ждите в орешнике. Хоть до следующего вечера. Ничего не объясняйте. Вас и за стенами дворца знают.

— Мост проверял?

— Каждую неделю хожу. Две доски сняты, телега не проедет. С краю балка; рыбаки ставят туда ногу, когда спускаются к воде. Держитесь за перило. У ближней сваи каменная полка. Если на дороге фонарь — переждёте там. Только при большой воде полку заливает.

— Проверишь в день побега.

— Да как я успею? На переправе, у перевозчика, при вашей калитке… За день или два съезжу. Потом мне к семье надо.

Громогрив начал пробовать ходить по жерди возле конюшни. Два шага давались легко; на третьем дрожала нога. Он сходил, будто только переносил жердь, ждал, пока работники отвернутся, и начинал снова.

За две недели до выбранного четверга Варн застал его за этим занятием.

— Может, ждать, пока починят мост?

— Когда починят мост? А потом — когда караул с дороги уберут? Так и состарюсь, пока будем ждать!

— Я не заставляю идти.

— Ты всякий раз находишь причину остаться.

Варн помолчал, вытащил из-за пояса кожаную полоску.

— Обмотайте ладонь. На перилах щепа торчит — в темноте всю руку раздерёте. Полоску оставьте себе.

Громогрив взял её и убрал, не поблагодарив.

Окончательно условились в конце мая, после второй зимы плена. Со дня присяги прошло полтора года. У Лумика стали коротки старые рукава; Громогрив заметил это, когда король потянулся за книгой, и целый вечер считал месяцы.

Знак был обычный: два удара деревянным колышком по ободу телеги при снятии подпорки. Один удар или отсутствие плаща — остаться работать.

— Даже если я уже вынес короб?

— Поставите в дальнем навесе и вернётесь.

— Если задержишься?

— Догоню у пустой мельницы. Передам флягу, скажу, что видел у переправы.

— А если не придёшь?

Варн перебирал конец верёвки.

— До сумерек подождёте. Дальше сами. Только к моему дому не идите. Ни тогда, ни позже. Дайте слово.

Громогрив дал. Варн заставил его повторить маршрут. Услышав про левый поворот, выругался вполголоса.

— Направо, говорю! Слева деревня. Каждую свою печать помните, а здесь опять налево…

— Не забуду.

— Уже забыли.

Ночью Громогрив представлял развилку. Свет слева. Идти от света. Потом переправа, шалаш, восточный тракт. До перевала оставались недели пути.

За перевалом кто-нибудь должен был открыть ему дверь. Радан ходил за него на войну и вернулся ни с чем; теперь Громогрив хотел сам добраться до тех, кто ещё поможет. Варн о них ничего не знал, и в условленный маршрут они не входили. Громогрив перебирал имена, отбрасывал мёртвых, вспоминал тех, кого обидел незадолго до войны. В прежних расчётах такие люди тоже оставались верными. Теперь он не мог решить, с какого двора начать. Отодвигал эту часть дороги до утра, а утром опять ждал стука Варновой телеги.

За три дня до побега он зашил два куска хлеба в отрезанный рукав старой рубахи. Свёрток собирался спрятать под рабочей рубахой и придержать поясом. Сидел с иглой и впервые не сердился на мелкую работу: от шва зависела его дорога.

Накануне вызвали к королю. Лумик сидел над письмом. Он вёл пальцем под строкой и сердился, когда палец обгонял слово. За полтора года после присяги мальчик вытянулся, но большие печати на письмах всё ещё любил рассматривать раньше текста. Громогрив исполнил приветствие, поднялся,

затем повернулся к креслу боком и опустился на четвереньки перед ним.

Сегодня было легче. Завтра, думал он. Пусть ещё сегодня.

Он старался дышать как всегда. Когда Лумик снял ноги с его спины, не шелохнулся, хотя плечо свело судорогой.

— Ты слышал, что я сказал?

— Нет, Ваше Величество.

— Воды. Я же велел подать воду.

Громогрив поднялся и наполнил чашу. Лумик взял её, не глядя, а Громогрив смотрел на детское лицо и представлял, как больше никогда его не увидит.

На другой день грузчики опоздали. Распорядитель задержался у накладных; караульный искал потерянную застёжку. Под рабочей рубахой, за поясом, намокал свёрток с хлебом. Дождь кончился к полудню, со скатов текло, колёса оставляли глубокий след.

Портрет он оставил под матрасом.

Когда первый короб стоял у телеги, он пошёл обратно за портретом.

— Куда? — окликнул караульный.

— За ветошью. В ящике вода.

Показал мокрый рукав. Тот махнул рукой.

Громогрив схватил дощечку, прижал к груди и спрятал за пояс. Оглядел кровать и полку. Хотел разбить что-нибудь напоследок; вместо этого поправил одеяло и вышел.

Колокол отзвучал. Плащ висел на колышке. Громогрив

надел его за коробами. Одну руку прижимал к поясу: портрет мешал нагнуться, перепрятать было некогда.

— Подойди к весам! — позвал кладовщик стражника.

Снаружи сцепились возчики. Варн ругался громче всех и вдруг умолк. Раздался деревянный стук.

Громогрив замер с коробом в руках.

Второй удар пришлось ждать мгновение. Он успел подумать, что Варн передумал. Потом колышек снова ударил по ободу.

Громогрив пошёл вслед за грузчиками. Привратник смотрел на колёса застрявшей телеги. Караульный остался у весов. Короб бился о колени.

Калитка осталась за спиной.

Он ожидал окрика. Прошёл ещё шесть шагов, поставил короб в дальнем навесе. За углом, где начиналась тропа к пустой мельнице, оглянулся.

Впервые за полтора года за ним не шёл караульный.

Глава 6. Ночь на переправе

Варн догнал его у пустой мельницы. За прогнившей стеной капала вода с колеса. Громогрив держал руки под плащом, пряча дрожь.

— За вами никто не вышел?

— До поворота не было.

Возчик прислушался. За углом фыркнула оставленная с телегой лошадь.

— Поздно получилось. Скоро хватятся.

— Застёжку искали. А потом я… Мне пришлось вернуться.

— Зачем?

Громогрив прижал руку к поясу.

— За вещами? Вы ещё и за вещами возвращались?

— Это подарок жены.

Варн вынул флягу. Громогрив приготовился отвечать на упрёки, но возчик молчал.

— Хлеб под обмотками, чтобы мыши не добрались. Деньги в узелке.

— А мост?

— Был позавчера. Перило держалось.

— Вчера шёл дождь.

— И сегодня шёл. Если вода на нижней поперечине, под мост не суйтесь.

— Другой путь есть?

— Через деревню до каменной переправы. Ещё полдня. Вас там десятки увидят.

— Значит, старый мост.

— Пока темнота не легла, можно назад. Скажете, что я отправил вас за бочками. За лишний час накажут, а не за побег.

Громогрив схватил его за рукав.

— Я уже вышел. Ты понимаешь? Вышел!

Возчик отшатнулся. Громогрив разжал пальцы.

— Тогда идите. У развилки направо. На дорогу до рассвета не выходите.

— Пойдём со мной. Хоть через мост проведи.

— Мы о другом говорили.

— Только до балки. Покажешь — и назад.

— А телега? Мне её здесь бросить? К Нелле уже не успею. А если нас вместе возьмут?

Громогрив хотел прибавить к обещанному серебру. Посмотрел на заштопанный ворот и промолчал.

— Я дал слово к твоему дому не идти.

— Вот и сдержите. Если мост не пройдёте, здесь меня тоже не ищите.

Варн проверил пробку на фляге. На прощание Громогрив поднял руку к его плечу — прежним жестом, которым награждал за службу. Возчик уже отступил.

Громогрив оставался под навесом, пока не стихла телега.

Первые шаги давались трудно. Он оглядывался, прислушивался к дороге за спиной. Потом вышел из низины и остановился: над деревьями лежало открытое небо.

Из дворцовых окон его было мало — между крышами, над стеной, возле трубы. Здесь Громогрив задрал голову, сделал несколько шагов и снова остановился. Никто не велел продолжать.

Он выругался. Потом ещё раз, громче. Слова ушли в мокрые деревья. Громогрив засмеялся и тут же умолк: вдруг услышат.

На развилке он чуть не свернул налево.

Там мерцал огонь. Можно попросить хлеба, высушить одежду. Он уже шагнул к свету, когда различил над ним покатую крышу. Деревня. Он стоял, вспоминая Варнову сердитую поправку, затем свернул направо.

Под водой на старой дороге прятались корни. Громогрив оступился, ударился коленом и сел в мокрую траву. Пока боль отпускала, достал из-за пояса свёрток с хлебом. Шов выдержал, корка отсырела. Он разорвал нитку, развернул ткань и взял кусок. Потом вынул портрет: краска у края стала липкой. Громогрив положил дощечку на сухую середину отрезанного рукава и завернул вместе с оставшимся хлебом.

Ильма сказала бы, что следовало взять вторую пару чулок.

Он так ясно представил её раздражённое лицо, что чуть не ответил. Обмотки ждали за рекой. Нужно перейти, снять сапоги, пересчитать медяки. Он спрятал свёрток под рубаху,

придержал его поясом и встал.

У моста вода гремела.

Речка разлилась, била в сваи. Половина перил исчезла; вода выворотила часть настила. За разрывом в несколько шагов виднелись уцелевшие доски.

Громогрив ступил на мост. Дерево прогнулось с низким скрипом. Боковая балка оставалась на месте. Он обмотал ладонь кожаной полоской, поставил на балку ногу и потянулся к обломку перила. Тот откачнулся. До следующей стойки не хватало совсем немного: нужно было отпустить ближнюю.

Он отступил с балки на уцелевший настил.

Постоял, глядя на дальнюю сваю. Молодых всадников учили смотреть поверх препятствия. Не вниз. Левую ногу вперёд, перенести вес. На жерди получалось. Громогрив снова шагнул на балку.

Ветер раздул плащ. Громогрив упал на колено, обняв балку. Вода неслась под лицом.

Он отполз назад. На голой ладони торчала заноза. Вытащил её зубами, ударил кулаком по доске.

— Встань.

Слово прозвучало голосом Лумика.

Громогрив замер. Потом повторил с яростью, громче:

— Встань!

Снял плащ, сложил на настиле. Снова шагнул к балке — и увидел свет на дальнем берегу.

Рыбак. Поздний путник.

Свет остановился. С ближней стороны послышался голос.

Громогрив схватил плащ и спустился под мост. Нижняя поперечина была в воде. Предостережение Варна вспомнилось, когда каменную полку уже можно было только нащупать сапогом. Вернуться наверх — выйти к фонарю.

Он прижался к свае. Над головой заскрипели доски.

— Здесь проходил?

— След у края. Ниже посвети.

Вода толкала под колени. Внизу, за поворотом речки, темнели кусты. Громогрив сдвинулся к ним, поскользнулся, схватился за балку. Дощечка выскользнула из складок ткани под поясом.

Он успел поймать её.

Фонарь повернулся.

— Стоять!

Громогрив бросился к берегу. Течение развернуло его; он цеплялся за корни, одежда тянула вниз. Кто-то схватил за ворот. Он ударил наугад, услышал вскрик. На него навалились двое.

— За локоть держи!

Его прижали к земле. Он продолжал биться, пока не увидел портрет возле сапога стражника.

— Дощечку… — выговорил он. — Не наступите.

Стражник поднял её к фонарю.

— Это что?

— Моё.

Громогрив лежал щекой в мокрой земле. Хотел назвать себя, потребовать.

— Пожалуйста.

Стражник сунул портрет за пазуху.

Назад шли медленно: один из караульных хромал после удара. Пока Громогрив сидел в траве и пробовал пройти балку, его уже искали. При смене караульный сказал, что пленник занят коробами на наружном дворе. Сменщик принял это со слов; хватился лишь к вечернему вызову. Обыскали сараи, привратник вспомнил обожжённого возчика и старый плащ. Дозоры пошли к ближайшим переправам по просёлку, срезав петлю старой дороги.

Громогрив слушал разговор за спиной. Несколько раз хотел попросить прощения у хромавшего и не смог.

Ворота дворца были открыты. Он узнал телегу Варна раньше, чем увидел возчика. Тот сидел на лавке, держа связанные руки между коленями.

— Я им не сказал, — прошептал Варн. — Про вас ни слова.

Громогрив остановился. Караульный толкнул его в плечо.

Лумик ждал в малом кабинете. Его подняли с постели; он был ещё в пижаме. Пока открывали дверь, он успел спросить Барса, точно ли все караулы стоят на местах. Иара стояла у окна, Барс — возле стола с договором из Каменной Чаши.

С Громогрива сняли тяжёлый плащ. Под ним рубаха ещё не просохла.

— На колени, — сказал Барс.

Громогрив посмотрел на кресло, на книгу у подсвечника. Здесь всё оставалось на своих местах. Он отвёл правую ногу назад, привычно готовясь опуститься, и остановился.

Ещё несколько часов назад он сидел в мокрой траве, ел хлеб и смотрел на дорогу. Мог встать сразу, мог подождать. На развилке сам решил, куда повернуть. Корка была сырой, колено болело; сейчас он отдал бы остаток жизни за то, чтобы снова сидеть там и не торопиться вставать.

— Ты слышал? — спросил Лумик.

Громогрив поднял глаза. У мальчика на щеке остался след от подушки. Он ждал, придерживая ладонью договор на столе.

Нужно было проделать знакомые движения. Потом его отвели бы в комнату, Лада принесла бы сухое бельё. Громогрив представил, как утром откроют дверь и начнётся обычный день. Как он поспешит освободить руки, услышав королевские шаги.

— Нет!

Лумик замер.

— Тебе же Барс сказал!

Громогрив выпрямился. Он впервые за долгое время сказал это прежде, чем успел представить последствия. Теперь мог ещё попросить отсрочки, сослаться на холод, на больную ногу. Но тогда всё уже решилось бы: согреется и исполнит.

— Я больше не буду целовать вам ноги.

Иара отошла от окна. Лумик посмотрел на Барса, потом снова на пленника.

— Ты обещал меня слушаться!

— Я помню, что подписал, Ваше Величество.

— Тогда делай, как велено.

Громогрив молчал. В комнате было тепло. Он только теперь почувствовал, как озябли руки по дороге; пальцы сгибались с трудом. Он всё ещё помнил, как на мосту велел себе подняться.

Барс шагнул к нему, и плечи сами напряглись. Громогрив отступил на полшага. Плеть он помнил: хватало одного движения начальника стражи, чтобы заныло между лопатками. Но сейчас прежде той боли вспоминались дорога, чёрные деревья, хлеб в ладони. До сегодняшнего вечера он берег себя от нового наказания. Теперь не мог заставить себя опуститься, только чтобы его снова отвели под лестницу.

— Я тебе велел, — сказал Лумик. — Почему ты всё ещё стоишь?

Громогрив разжал пальцы. Не заметил, как стиснул ими край сырой рубахи.

— Не стану.

Лумик убрал руку с договора. Взглянул на Иару; она стояла в стороне и ничего не сказала. Мальчик снова повернулся к Громогриву.

— Ты ведь слышал. И всё равно…

Он не договорил. Громогрив мог бы повторить отказ, но

уже услышал за спиной короткий скрип ремня. Всё, что он готовился сказать ещё, оборвалось. Он смотрел на Лумика и не сгибал коленей.

— Двадцать ударов, Барс. Потом приведи его обратно.

Барс с караульными увёл Громогрива в соседнюю караульную. Лумик и Иара остались в кабинете. По дороге Громогрив повторял назначенное число, искал в нём ошибку.

Первый удар заставил его вскрикнуть. За дверью послышались шаги. Кто-то прошёл, не задержался; Громогрив повернул голову вслед удаляющемуся звуку. Совсем недавно он сам свернул от огня в деревне и ушёл в темноту. Теперь не позволяли даже отступить, когда он ждал следующего удара. После нескольких он просил подождать; потом уже не разбирал своих слов. Барс считал ровно.

На слове «двадцать» он ещё ждал следующего удара. Барс убрал плеть, и от движения его руки пленник дёрнулся снова. Когда его повели к двери, ноги едва держали. Он смотрел на собственные ступни, переставлял их по одной. За этой дверью не было дороги. Его вели обратно к креслу, возле которого он отказался опуститься.

До кабинета довели двое. Громогрив опустился перед Лумиком, цепляясь за рукав стражника.

— Простите меня, Ваше Величество. Я буду повиноваться.

Он поцеловал королю ноги и остался внизу. Плакал, не успевая выговорить всю фразу.

— Сделаю, что велите. Только не приказывайте больше бить. Пожалуйста.

Лумик отступил на полшага.

— Тогда делай сразу.

Громогрив кивнул. Барс стоял рядом; казалось, нужно успеть согласиться ещё раз. Он и сам ненавидел свой голос, но, услышав, как стражник шагнул ближе, поспешно повторил обещание.

Лумик смотрел на него. Громогрив не мог вынести этого взгляда и всё же искал его, надеясь заметить, что король смягчился. Ещё у моста он готовил слова о том, что приказ не даёт права на всё. Теперь в памяти не осталось ни одной целой фразы.

— В комнату, — сказал король. — Позовите лекаря. У двери поставить стражу.

Когда его поднимали, Громогрив вспомнил лавку во дворе.

— Возчик…

— Я ещё не решил. Утром скажу.

Договорить он не смог.

Лада пришла до рассвета с лекарем. Сырую одежду сняли. Громогрив замирал всякий раз, когда кто-нибудь подходил со спины. Просил дощечку. Лада повторяла, что дощечку ей отдали целой и она сохнет.

Утром он не смог сесть. Лада поднесла чашку к его губам.

— Нет, не тянитесь. Я сама. Прольёте ведь.

Он попил и спросил о Варне.

— Двенадцать ударов. Полгода работ при крепости. Увезут, когда сможет идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.